

Алмаз Времени. Том I. Скитания

Автор:

Мария Токарева

Алмаз Времени. Том I. Скитания

Мария Токарева

Капитан Сварт, мстительный пират, давно мечтает возвыситься. Но когда его план терпит крах, остается только сожалеть о неудаче, скитаясь по океанам, кишасим монстрами... Или же существует способ повернуть время вспять и все исправить? Какой ценой? Сварт готов идти по трупам. Он не догадывается, что за ним давно наблюдают древние силы, хранители свитков Судьбы. И не только они – жадные асуры стремятся вырваться из ловушки и посеять хаос. Война могущественных сущностей вот-вот расколется мир напополам. Но как с ними связан бесчестный пират? И почему он слышит голос, приказывающий найти мистический Алмаз Времени?

Глава 1.

Звон клинков разносился над побережьем острова Кафу. Нагретый утренний воздух клубился испарениями, искажавшими очертания сражающихся фигур. Но только не для темных глаз матерого пирата Сварта Иренга.

Его узкие губы кривились в злорадной гримасе предвкушения: поединок не обещал затянуться, по крайней мере, так казалось. Рыжеволосый паренек преградил путь на одной из тропинок меж холмов, ведущих к побережью.

– Ты не победишь! – кричал мальчишка, неумело взмахивая короткой саблей, напоминавшей жалкую детскую игрушку в сравнении с двумя превосходными клинками, которые сжимал Сварт Иренг, непревзойденный капитан и великий заговорщик. Так он себя называл до этого дня.

– И кто меня остановит? Ты, жалкий сопляк? – смеялся он, парируя первый выпад, лениво, давая подобраться к себе и мгновенно уклоняясь.

– А хотя бы и я! – отвечал парнишка, и Сварт постепенно вспоминал, что знает имя нежданного противника, хотя полагал, что это лишняя информация: все равно он рассчитывал расправиться с ним в ближайшие пять минут.

Маиму-Длинноногий – так называла его одна из немолодых служанок в поместье, откуда тропа и спускалась к тихой бухте. Где город поджидал один весьма и весьма необычный сюрприз с двумя мачтами, рядами пушек и жаждущей крови командой. Оставалось только убрать возникшее на пути нелепое препятствие.

Два превосходных клинка устремились к Маиму, как две голодные змеи в жадном броске. Ноги Сварта легко оторвались от земли, чтобы обойти Маиму справа и нанести удар сбоку. Короткая сабля не защитила бы от мощной атаки сверху-вниз в живот, прикрытый только выцветшей коричневой жилеткой. Но внезапно... Противник испарился!

Исчез ровно в тот миг, когда Сварт уже предвкушал, как его окутает жаркий азарт убийства, первого за три года. Он ждал этого и с наслаждением прикопал бы мальчишку под ближайшим развесистым фикусом. Только, видимо, не в этот раз, не случилось пирату насладиться легкой победой.

Он тревожно замер, осознав, что Маиму стоит у него за спиной. Возможно, враг воспользовался густыми темно-зелеными зарослями, чтобы выскользнуть из-под удара. Но Маиму-Длинноногий уклонился и во второй раз, когда Сварт порывисто развернулся и отпрыгнул назад, выставляя останавливающий удар против выпада врага, укол сабли которого прошелся по рукаву темного камзола.

Достать до плоти клинку не удалось, но Сварт ощутил леденящее прикосновение неуверенности: мальчишка оказался не тем, за кого себя выдавал, не тем, кем выглядел, когда высаживался на разохшийся пирс из дырявой лодчонки неделю назад.

«Кто ты? Неужели это... один из «даров асуров»? Проклятье!» – подумал Сварт, когда рыжеволосый недоумок метнулся в сторону, невероятным броском уклонившись от прямого выпада, готового раскроить череп, чтобы сделать огненные волосы еще более яркими, багряно-алыми.

Но снова ничего не произошло, ничего, кроме того, что Сварту пришлось спешно обернуться, чтобы парировать удар. Две сабли всегда выручали его: одной он атаковал, вторую, более короткую, использовал для подлых приемов наподобие кинжала. Обе руки верно слушались его до этого дня, до мгновения, когда пришлось столкнуться с обладателем одного из «даров асуров».

«И принесло же тебя на остров!» – подумал Сварт, выворачиваясь из-под не слишком меткого укола с верхней линии. Сабля Маиму-Длинноногого сверкнула возле лица противника, хотя фехтовал он неумело, как обыкновенный новичок. Зато двигался быстрее, чем любой из врагов, которых за тридцать шесть лет Сварт победил немало.

«Подарки асуров» порой попадали явно не в те руки. Глуповатый парнишка лет шестнадцати-семнадцати не показался опасным при первой встрече, когда крутился возле поместья лорда Вессонов, болтая с одной из неприметных служанок средних лет. Сварт не обратил на него никакого внимания, а теперь этот рыжий остолоп вдруг встал на пути, вооруженный и разъяренный, как стая шершней.

– На кого ты работаешь? – в который раз оскалился Сварт, нанося удар.

Сабли со звоном отскочили, Маиму выставил блок, ловко вывернув руку. Снова неестественно быстро. Когда же так повезло дурному парню, которому не сиделось на месте в этот день? Определенно, кроме везения здесь содержался и какой-то хитрый план. Никак иначе.

– Ни на кого, – успел он пожать плечами, одаривая широкой улыбкой, которой Сват несколько не верил: парень с «даром асуров» просто не мог тратить свой

талант на пустое скитание по морям.

В мире паровых технологий и магии обычному человеку не так-то легко возвыситься, каждый избирал свою дорогу. Сварт прокладывал себе путь острыми саблями или шантажом. Маиму, похоже, вытянул счастливый билет: нашел где-то драгоценную жемчужину и получил – случайно или намеренно – магическую способность, которой не обладал от рождения. В его случае, как уже убедился на своей шкуре Сварт, это была невероятная скорость, возможность перемещаться за считанные секунды.

Вот он стоял на пути, словно бы всецело доступный для удара двух сабель, приглашая перерезать себе глотку или лучше рассадить точным ударом лоб, как спелый кокос. А в следующий миг – уже тыкал своей дешевой сабелькой со спины.

– Не проведешь! – прорычал Сварт. – Кого угодно, но не меня!

– Да ни на кого я не работаю!

Сражение затягивалось, песок тропы среди холмов бугрился, редкие пучки травы выдёргивались с корнем под подошвами сапог Сварта и разбитых ботинок Маиму.

– Проклятье! – воскликнул мальчишка.

Резкий финт в голову с атакой в бок ошарашил Маиму. Обманные приемы он не понимал, отчего на его одежде справа прочертилась алеющая полоса.

Сварт наступал, рассчитывая, что наконец-то устранит неприятное препятствие. Пусть какой-то доморощенный герой и решил проучить его со своим «даром асуров», но скорая смерть мальчишки могла вернуть исполнение плана капитана в нужное русло. Еще хватало времени до пробуждения города, как он считал. Но внезапно, пока Маиму отступал, выставя блоки, раздался гулкий выстрел со стороны форта на холме, а потом город вокруг имения лорда Вессона огласил звук тревожного колокола.

– Пираты! Пираты!

И вот тогда Сварт понял, что настал конец его игре длиной в три года. Настоящий и бесповоротный конец. Лицо его исказила судорога, атака сабель на мгновение потеряла свой напор, потом обрушилась новыми ударами, еще более яростными, чем раньше, сверху, снизу, слева, справа. Батман, финт. Ни шанса на контратаку.

Но это для обычных людей. Маиму снова вспомнил о своей дрянной магии, которой, похоже, и управлять-то толком не умел. Он позабыл о глубокой борозде на боку и резко отскочил.

Тем временем, над тропическим лесом снова разнесся пушечный гвалт, как в гуще морских сражений. На этот раз бригантина отвечала, корабль Сварта, некогда любимый, ныне ненавистный.

«Бежать! – подумал он, но тут же спохватился, придумывая новый план, пусть и не слишком убедительный: – Хотя нет, убить мальчишку... И сказать, что он был пиратом. Главное, чтобы он не успел ничего рассказать Стражам».

– Проклятье! Что ты... что ты сделал? – проговорил Сварт хриплым низким голосом, сдавленным ледяной яростью.

– Привел Морских Стражей, – весело ответил Маиму, доказывая и без того очевидный факт.

– Ты... ты! – шипел Сварт.

Привел, Маиму привел, кто же еще мог. А должен был он, Сварт! Лично! В этом и состоял план – указать верное место высадки пиратов, куда он сам и направил бригантину три года назад. До этого предполагалось устроить небольшую панику в городе, а потом выйти великим героем острова Кафу и пробиться в мэры города.

Но Маиму все испортил. Хотелось бы узнать, каким образом. Вскоре мальчишка и сам поспешил рассказать, уклоняясь от очередного удара и выставя стремительный блок, вывернув запястье.

– Я видел тебя вчера. Подумал, что будущему мэру незачем выходить через тайную калитку в стене ночью, да еще идти куда-то к морю. Вот и пошел следом. А там пиратский корабль. Сперва я думал, что тебе надо помочь! Что ты решил сам разобраться с пиратами. Ну, мало ли... Я бы помог, честное слово. А ты! – Маиму тараторил, даже не сбивая дыхания. Он выпятил крупную нижнюю губу, точно его обидели в лучших чувствах.

Сварт ему, конечно, не поверил: не мог обычный парень, чужак, прибывший на остров Кафу, оказаться таким наблюдательным и даже не знать, что в поместье лорда Вессона поселился разыскиваемый на всем восточном побережье пират. Паршивый наймит уж точно не собирался помогать, он наверняка выслеживал исчезнувшего три года назад кровавого капитана по старым ориентировкам на досках объявлений, пока тот затаился на Кафу под чужим именем.

«Я не заметил его, потому что он передвигался слишком быстро. Слишком бесшумно», – понял свой промах Сварт. Никто из горожан ни за что не проследил бы за ним тайно, не заметил бы те скрытые знаки, которые он оставлял себе на тропах в лесу, чтобы ночью бесшумно и стремительно спуститься к тихой бухте. Накануне Сварт там встретился с командой.

– Ты готов, Облезлый Сэм? – спрашивал он у старпома, который верно руководил кораблем все три года. И даже вернулся в назначенный день. Себе на беду.

– Готов как никогда, капитан! – воодушевленно отзывался старпом.

– Хорошо. Завтра город будет наш, – сладко врал Сварт. – Будем править, установим свои порядки на Кафу, а ты останешься моим первым помощником. Как тебе такое, а, Сэм?

– Прекрасно, капитан, прекрасно, – вздрагивал от нетерпения старпом, теребя полы синего камзола.

И Сварт ухмылялся, представляя, как этот глупый пес, подобострастно скулящий у ног обретенного хозяина, отправится к праотцам и Змею Морскому после удара сабель.

Сварт собирался провести пиратов в самое сердце Кафу, все так же – незаметно, под видом новых слуг поместья, чтобы они уничтожили сперва всех

недоброжелателей будущего мэра. Адреса он уже указал. Оставалось подать условный сигнал. Но Маиму-Длинноногий каким-то образом разгадал его план.

– Кто тебя нанял? Отвечай! Работаешь на торговые компании? – допытывался Сварт, размахиваясь смертоносным оружием.

– Не-а... – протянул Маиму, встряхивая огненными вихрами и нанося удар по руке снизу.

Сварт отбил клинок, легко разгадав маневр. Хотя он задыхался от возмущения. План потерпел крах, чему Сварт не желал верить, отражая удар за ударом. Коротенькая сабелька с каждым мигмом незримо удлинялась, обретая сокрушительность тяжелого палаша. Каждая новая атака заставляла отступать на шаг вниз по тропе, к берегу, буквально загоняя в котловину противостояния с Морскими Стражами.

– Лжешь! – крикнул Сварт, обрушивая на Маиму удар обеих сабель, одной разя сверху, второй стремясь пропороть брюхо парнишки снизу.

Но клинок задел только оливковый камзол без рукавов, выношенный, явно с чужого плеча. Еще одна дырка на старой ткани не особо изменила его облик, а хотелось, чтобы вместо лоскутов одежды на ветру колыхались пласты свежесрезанной плоти врага.

– Не лгу! Случайно наткнулся, – фыркнул Маиму, но потом лицо его потемнело, нахмурился он уже по-взрослому сурово, беспощадно: – Но теперь я не прощу того, что ты хотел сделать с этим островом!

И Маиму накинулся с яростью бешеного медоеда – столь же бессмысленно и неотвратимо. Сварт едва не пропустил обычный прямой укол этой глупой коротенькой сабли, которая теперь вращалась в руке мальчишки со скоростью мельничных лопастей под порывами ураганного ветра.

Удар пришлось ловить обеими саблями, их плоской частью, отводя и переворачивая вражеский клинок, а заодно подло пнув противника ногой по колену, но тот отскочил, утробно шипя, превращаясь на короткие мгновения из беззаботного веснушчатого разгильдяя в настоящее чудовище.

Сварту почудилось, что широко раскрытые синие глаза парнишки затянулись черной пеленой, белки пропали, а из алеющей бездны посмотрела сама тьма. Кто-то другой, кто-то, кем не являлся Маиму. Именно он наносил яростные удары, слившиеся в единый вихрь парирований и блоков на пределе человеческих возможностей. Человеческих, а не твари с «даром асуров».

Сварт при всем желании оставался просто человеком, натренированным и уверенным в себе фехтовальщиком. Но ни обманные финты, ни две сабли не помогали против монстра, чей праведный гнев обрушился на него в этот день.

Только вился туман над тропинкой между холмов, только в джунглях разносился лязг клинков. И пыль под ногами клубилась, сливаясь с душащим маревом.

– Это он! Сварт Иренг! Капитан Две Красные Руки! – крикнули внезапно из зарослей, и раздался новый пушечный выстрел со стороны побережья.

– Он здесь! – ответил Маиму, приходя в себя и как будто замирая. Неконтролируемая ярость вымотала его, он едва не напоролся на клинки и неловко споткнулся, опрокинувшись на спину.

Добить врага Сварту не дали. Он вздрогнул, давая неразборчивый рык, проклятье всем неземным силам, в которые он не верил: Морские Стражи окружали с обеих сторон тропы. На него нацелилось с полдюжины длинных винтовок – одного из лучших изобретений последних лет с перезарядкой при помощи рычага-спусковой скобы и с подствольным трубчатым магазином.

Они грянули единым хором, призванным изрешетить ненавистного пирата, державшего в страхе на протяжении более десяти лет все торговые суда, курсировавшие в местной акватории, как пугливые утки. Теперь уткой пытались выставить непревзойденного капитана Сварта. Какие-то недотепы в зеленых френчах вообразили себя лучшими охотниками.

«Бежать, к кораблю», – понял Сварт, кидаясь напролом и срубая голову одному из Стражей. Сабли сработали как топор палача: взвились единым порывом, забрызгали кровью мясистые листья, под которые и нырнул спасавшийся бегством пират. За ним по крутому склону последовали противники.

Теперь-то он уж понял, что на острове оставаться никак нельзя, кто-то навел на него и сдал с потрохами. Проклятый Маиму его узнал, или мальчишке помогал один из многочисленных недоброжелателей Сварта. Или Стражи отловили и раскололи какого-нибудь слюнтяя из команды – все это не имело значения, когда листья и ветки царапали лицо, путались в коротких черных волосах, впивались колючками в подошвы сапог и раздирали одежду.

Его гнали, словно дикого зверя, как он порой любил гонять жертв по пустынным островам, объявляя, что опальный член команды или пленник совершенно свободен. А потом с наслаждением настигая его за считанные секунды или же наблюдая, как незадачливый беглец губит себя, ломая шею на острых скалах. Иногда они заканчивали свои дни в пасти речного крокодила или акулы, заплывшей в мангры. И это казалось беспощадно веселым.

Но вот полюса поменялись, все перевернулось из-за какого Маиму-Длинноногого, мальчишки с «даром асуров».

«А если они уйдут без меня? Треклятый сброд! Я их найду и по одному расчленю! Они и так готовили против меня бунты, так с чего же решили вернуться через три года? Все ради Облезлого Сэма, его они ценили больше», – подумал Сварт, но над головой в дерево вонзилась пуля, он пригнулся и буквально съехал на спине к берегу по отвесному утесу. Камзол и рубашка порвались в нескольких местах, в кожу впились камни, наждаком прошелся глинистый песок. Ничего, и не такое переживал, главное, что сабли остались при нем.

– Проклятье! – выругался Сварт, когда пуля чиркнула по плечу и обожгла короткой болью, потонувшей в приливе новой ярости.

– Он там! Там! – кричали вслед Морские Стражи, а перед ними несли Маиму.

К счастью, поросший деревьями склон мешал ему воспользоваться «даром асуров».

Впоследствии Сварту Иренгу, опальному кровавому капитану, предстояло не раз и не два вспомнить этот день, омытый лучами жаркого тропического солнца. О нет, далеко не раз! Этот день въелся в память навечно. День, когда тощий рыжий мальчишка украл у него победу. И он бы все отдал, чтобы повернуть время вспять и незаметно убить Маиму на неделю или хотя бы на сутки раньше.

Но пока он выкатился на песчаную косу, где уже шел бой, а всюду лежали тела пиратов и военных. Сварт, спешно раскидывая встающих на пути Морских Стражей, кинулся к кромке прибоя: на волнах покачивалась ожидавшая его шлюпка, где Облезлый Сэм яростно отбивался саблей и отстреливался из револьвера от противников.

Внезапно какой-то парень в зеленой форме догнал Сварта, неловко выпрастывая перед собой оружие. Вернее, скорее налетел на него. Сварт буквально насадил незадачливого врага на клинки.

Сотни раз он вонзал сабли в тела перепуганных врагов или мирных жителей, вот так, оба лезвия, входящие в горячую плоть, как раскаленный нож в масло. Обычно после нападений корабля Сварта Иренга не оставалось никого – работоторговлей он не промышлял, только контрабандой товаров, грабил быстро и уверенно. А потом отправлял на корм рыбам всех уцелевших. Так длилось больше пятнадцати лет, пока Морские Стражи не разорили его своим преследованием, пока он не понял, что пора бежать в новую жизнь. Но теперь он вынужденно стремился на свой старый истрепанный корабль, к своему старому имени, чтобы унести в неизвестность. Отнюдь не к прекрасным горизонтам и захватывающим приключениям.

«К Пустым Островам, да, пойдём к Пустым Островам, пристанищу всех проклятых, далеко на северо-востоке, так далеко, что нас не достанут», – решил про себя Сварт, устремляясь к качавшейся на волнах шлюпке.

Со стороны форта донесся новый выстрел. Мортирный заряд вспорол морскую гладь стеной брызг в нескольких метрах от борта уже порядком потрепанной бригантины: паруса ее изорвались, носовую фигуру и вовсе разнесло в щепки. Но корабль еще оставался на плаву.

– Капитан! На борт! – кричал из лодки Облезлый Сэм, размахивая мятой широкополой шляпой.

Команда еще не догадывалась, что их бросили, что их подло отринул собственный капитан. Они еще стремились спасти его, наверное, надеялись, что он снова поведет их верным курсом, снова награбит несметные богатства.

Если бы Сварт сам знал этот курс, то не сошел бы на Кафу три года назад под видом жертвы кораблекрушения с торгового судна, которое сам же и потопил. Мир менялся слишком быстро, и на освоение новых правил не хватало злобы и изворотливости. Морские Стражи просто негласно объявили, что пираты обязаны исчезнуть, истлеть высушенными на песке водорослями. И он решил исчезнуть, но иным путем: втерся в доверие к лорду Кафу, старому Вессону, который недавно отдал концы. Даже убивать его не пришлось, оставалось только захватить единоличную власть в городе. Но ничего не вышло. И вот Сварт снова бежал и сражался.

– Сдохни! – крикнул он на ближайшего Морского Стража, снова замахиваясь саблями.

Одним трупом меньше, одним больше – уже не имело значения, уже не надо было носить маску добропорядочного гражданина.

– Нет! – крикнул Маиму и внезапно кинулся вперед, нанося сокрушительный удар.

Сварт не отследил очередное перемещение носителя «дара асуров». Мальчишка обрел невероятную прыть, он буквально вырос рядом в двух шагах.

Сварт выставил бы блок, но не успел даже развернуться, только задушено взвыл: клинок рассек затылок, не до конца, но ощутимо, вспахивая кожу, точно стремясь срезать скальп. Сварт выгнулся, подавившись воздухом.

В своей жизни он терпел много боли, разной, острой и тупой, обычно перенося все испытания с крепко сжатыми зубами. Но теперь он едва не закричал, не от мучительного жара, обжегшего голову – от изумления, от колоссального потрясения. Этот рыжий сопляк все-таки достал его.

«Да на кого ты работаешь? Чей ты наемник?» – только и подумал со злостью Сварт, пошатнувшись и едва не налетев на саблю одного из Морских Стражей. Над ухом просвистело несколько пуль, берег усыпали тела пиратов. Выстрелы гулко отозвались в ушах, как удары штормовых волн о рифы.

На прощанье Сварт наугад ткнул клинками вперед, борясь с мутой перед глазами. Он надеялся, что достанет Маиму, но сабли только пропороли зеленый

китель случайного Морского Стража, неловко попавшегося в общей свалке.

Брызнула кровь, раздался предсмертный хрип, но не того, кого хотелось бы. Хотя это отвлекло Маиму: он, как и полагается всем паршивым доморощенным героям, кинулся к умирающему в тщетной попытке зажать рану.

И только это спасло от преследования, потому что следующий удар маленькой сабельки почти наверняка оказался бы для Сварта последним. Но он уже потерпел поражение. Его, матерого пирата, уничтожил рыжий мальчика с «даром асуров».

– Капитан! – крикнул еще раз Облезлый Сэм, но уже откуда-то издалека.

Сварта втащили в лодку. И все поглотила тьма. Но не полное забытие: в этой тьме зародилось нечто новое, невообразимое и страшное, точно раскроенный череп открыл прямой канал для связи с другими мирами, наподобие жуткого телеграфа.

С того дня Сварт начал слышать в голове отчетливый голос, который шептал и шептал, изводя бессонницей долгими сырыми ночами в каюте потрепанного корабля. Сварт вздрагивал в полубреду, хватался за клинки, поначалу не помня, что его так терзает.

Вскоре он начал различать слова, которые складывались в предложения, короткие реплики и целые посулы: «Я знаю, как все исправить. Я помогу тебе. Ты достоин большего, большего – всего мира. Только достань мне Алмаз Времени. И весь мир станет твоим, весь мир зайдет криком смерти. И Маиму будет первым, ты умоешься его кровью. Мой ключ к свободе. Ты слышишь меня, Сварт? Слышишь?»

Глава 2.

– Еще один испорченный свиток... Капитан Сварт Иренг. Его «работа». Снова этот пират?

Древний дракон зимы застыл на вершине Большого Дерева. И хотя длился не его месяц бодрствования, он листал свитки судеб. Чувство неразгаданной угрозы укололо под сердцем и заставило внезапно очнуться от крепкого сна. Но пока все вокруг дышало покоем. Мягко шелестела свежая листва. Над Деревом сияло летнее небо, клубились легкие облака, а внизу расстилался необъятный мир со всеми скорбями и радостями. За ним-то и наблюдали хранители свитков.

Вытянутую узкую морду дракона скрывала тень пышного оперения, которое белой короной обрамляло сизые рога, поросшие мхом. За многие века духи-хранители Дерева, неизменной оси мироздания, почти слились с ним. Не осталось различий, где заканчивалась память дракона и начиналась великая летопись всего мира. Свитки судеб сменялись один за другим, янтарные глаза задумчиво бегали по строчкам – хранитель искал тот, что заставил его пробудиться.

Некоторые истории обрывались, не находя завершения. Многие заканчивались спокойно, плавно и казались безыдейными, скучными. Но каждая несла неповторимые черты, особенно для хранителя.

Двенадцать драконов с начала времен следили за созданиями, что населяли благословенный Мир Большого Дерева. Свитки ткались из нитей жизни и сами записывали деяния людей, магов, джиннов – всех, кто обладал разумом, чтобы выбирать свою судьбу.

– Какой же из них? Что не так? – устало вздыхал дракон зимы, и из узких ноздрей вырывался морозный иней. – Неужели снова...

Он был очень стар, хотя серебристое оперение змеевидного тела скрывало любые морщины. Только глубокие шрамы, перепахавшие скулы и вытянутый нос, напоминали об участии во многих битвах с асурами. Он не желал новых сражений ни для себя, ни для собратьев.

Посланники тьмы исстари стремились заполучить и исказить свитки, вписать свою злую волю, искалечить умы миллионов. Асуры питались бурлящими

страстями метущихся душ – болью, отчаянием, страхом и гневом. За ними во все миры следовал хаос. Хранители Дерева сражались за порядок, чтобы не начиналось войн во имя чужой жажды разрушения.

Но он, древний дракон, ставший живой легендой, ушел на покой с израненным телом и душой. Битвы и поиски преступных асуров, проникших в их мир, ложились на остальных одиннадцать хранителей. Он лишь следил за свитками во второй месяц зимы. И с каждым годом все больше убеждался, что люди и джины не нуждаются в присмотре, даже тяготятся им.

С развитием технологий их сердца все охотнее открывались для ядовитых «подарков асуров». Страсть к опасным знаниям и быстрому процветанию – отравы для души. Возможно, и теперь кто-то тянулся к дару асуров, таящемуся в глубинах моря, к источнику магии и непредсказуемой силы. Какой-нибудь жадный пират, бороздящий океаны на быстром паровом корабле.

Или же старый дракон просто увидел дурной сон. Постепенно предчувствие обрастало сомнениями, как днище лодки – ракушками.

Хранитель листал свитки, перебирая длинными когтистыми пальцами невесомые полупрозрачные полотна, созданные из светящихся линий. Порой он всецело погружался в чтение, то оглушительно смеясь, то горестно качая головой, то раздраженно вздыхая, когда обнаруживал, что повествование обрывается на самом интересном моменте.

Да, интересном... Кто-то умер – этим завершались все свитки и растворялись, превращаясь в листву Большого Дерева, общую память мира. Кто-то со своими мечтами, стремлениями, замыслами. Неизбежный конец.

Но некоторые свитки выглядели испорченными, разорванными. По ним проходили уродливые борозды и кровавые полосы. Они принадлежали созданиям, что не успели пройти свой земной путь. Их судьбу оборвала безвременная гибель.

– Капитан Сварт Иренг по прозвищу Две Красные Руки... Что же ты за существо такое? – покачивал головой дракон, просматривая парящие возле ветвей стеллажи свитков.

Полупрозрачные и бесконечные, они устремлялись винтовой лестницей в небо, сходящееся клином белого сияния соприкосновения всех миров.

Дракон расправил изумрудные крылья и, легко извиваясь, взмыл вверх, чтобы пересчитать, сколько свитков испортил пират Сварт. Много, слишком много для обычного человека, который не имеет права вершить судьбы.

На разорванных полотнах, сочащихся тающими чернилами, встречались самые разные упоминания. Последние мысли, возникшие в головах умирающих.

«Капитан Сварт, за что... Ведь я служил вам», – оттиск разочарования и обманутого доверия. И рваная полоса на невесомом папирусе.

«Наш будущий мэр – подлый пират. Как же так! Я должен предупредить», – горечь невыполненного обещания. И снова черные потеки безвременно стертого текста.

«Капитан Сварт... Как он достал меня? Сабля в левой руке... Как я мог забыть... – так обрывалось повествование опытного военного, охранявшего покой маленького городка. – Подлый пират! Нет! Я не хочу умирать! У меня остался сын. Как же он теперь!»

Яркие вспышки чужой боли в конце испорченных свитков звучали треском порванной струны, но в деяниях пирата не находилось ничего странного. Тогда почему улегшееся беспокойство вновь прорезало острыми колючками все существо? Хранитель устало потер нахмуренный лоб, откидывая назад непослушные перья, и почти весело ухмыльнулся:

– Посмотрим-ка еще раз, что у тебя за судьба, капитан Сварт... Почитаем. А то память подводит меня в последнее время.

Дул сильный северный ветер, ударяясь о борта корабля и натягивая блеклый парус. Небольшая бригантина колыхалась на волнах, расхлывшихся по обе стороны кормы. На мачте реял черный пиратский флаг, изображавший две окровавленные сабли на фоне белесой луны. Полотнище поблекло, картинка почти стерлась. Так же стерлись и все стремления.

Капитан Сварт давно не покидал каюту. Часами напролет он неподвижно сидел, глядя то перед собой на стену, изучая узоры деревянной обшивки, то изредка поворачивая голову к небольшому иллюминатору.

«Мы давно в море... Куда-то идем. Знать бы еще, куда. Команда копошится на палубе. Этот мерзкий сброд. Я мог бы их всех уничтожить, одного за другим, за пару минут. И они это знают! Они продолжают подчиняться мне несмотря на то, что я предал их», – мысли текли медленно. Просто мысли в отрыве от ожесточенного сердца.

Отблески закатного неба отражались в стеклах круглых очков, которые он то снимал, то снова надевал, беспрестанно протирая от несуществующих пылинок.

И не оставалось больше движений, только гложащие тоской размышления: «Проклятый Маиму-Длинноногий, проклятый мальчишка, нашедший «подарок асуров»! Однажды я уничтожу его. Однажды. Но когда? И как? За тридцать шесть лет мне не улыбнулась удача, «подарки асуров» не пришли ко мне из морских глубин. И только эта команда идиотов навсегда со мной. Даже после моего поражения они не воспользовались возможностью убить меня. Без команд они подохнут, как паршивые псы».

На небе сгущались тяжелые свинцовые тучи. Корабль куда-то шел, придерживаясь курса к Пустым Островам. Пару раз команда подумывала поднять бунт, но настолько боялась капитана, что даже его молчание казалось приказом. И никто не знал, куда направляться дальше.

Только магия потоками воздуха иногда приносила почту, неизвестно как разыскивая одинокие корабли. Из газетных заметок капитан однажды узнал, что юный охотник Маиму уже успел сдать властям несколько сильных пиратов. Он никого не убивал, конечно, нет. Ведь так не полагается героям-добровольцам, нанявшимся в ряды охраны торговых компаний. Да, героям...

Сварт скомкал газету, кляня приказание джиннов разносить новости. Для поддержания «общего информационного поля», как они любили говорить.

Огненные существа получали все больше влияния, раскидывая по миру сети торговых путей, тесня магов-людей чудесами науки – скоростными парходами, вычислительными машинами, механизмами для цехов. И разумеется, оружием. Заводы джиннов изготавливали мощнейшие мортиры, глубинные мины, непревзойденные револьверы и пулеметы.

Обычным людям без способностей оставалось только наниматься матросами на корабли этих тварей. Наиболее образованные охотно шли в их конторы для подсчета прибыли от бесконечных сделок. Кто-то, как Маиму-Длинноногий, вызывался добровольцем для истребления пиратов.

Возможно, тот поединок был первым заданием мальчишки. А возможно, ни к кому он не нанимался. Сварт не знал, и это выводило из себя.

Хотелось свернуть чью-нибудь шею, а не теревить серую бумагу. Но он только сдержанно протер треснувшие очки. Принесший почту старпом не заметил, капитан на вид отреагировал спокойно.

Но... В душе все клокотало от ненависти, укрывало черным коконом злобы, набрасывало петля за петлей удушающие кольца гнева и багряные оковы ярости. И Сварт продолжал молча ненавидеть Маиму, решившего, что уничтожение пиратов – благородное дело.

Работа на джиннов во имя установления торговых путей, во имя чьей-то неизменной выгоды. Такое уж благородное? Сварт хотя бы честно признавался, что старается только для себя. Но что ему оставалось в каюте сбившегося с курса корабля? Ненавидеть провал своего выверенного плана. И злиться, злиться, злиться! Ничего, кроме злобы.

«Лучше нечестная выгода для себя, чем честное счастье для других», – вспоминался любимый девиз, и все еще не удавалось в полной мере осознать то событие, которое лишило планов на будущее.

«Идти больше некуда, в трюме течь, запасы воды кончаются. На хвосте патрульные корабли джиннов. Если встретится военный парход, этой посудине

настанет конец», – размышлял Сварт.

Бригантина не выдержала бы нападения и обычного парусного судна с небольшим количеством пушек. После рокового сражения на тропическом острове корабль оказался разрушен. Его прошлая гордость – украшение носовой части в виде скрещенных сабель – была начисто оторвана и осталась где-то на далеком ненавистном берегу, где не посчастливилось столкнуться с Маиму.

При всей осторожности матерый пират не учел, что рыжеволосый простофиля, прибывший в маленький город на дырявой лодочке, может работать на джиннов и обладать одним из «даров асуров». Так все и пошло прахом.

Сварт ведь уже почти пробился в мэры. Пусть и крошечного городка, пусть и совсем нечестным путем. Он подкупил нужных людей, выправил поддельные документы и практически собрал вокруг себя избирателей. Горожане хотели видеть его своим правителем! Пусть мелким царьком, маленьким божком, но все же... Он ждал этого три года.

«Что могло пойти не так? – думал он, растирая между пальцев измочаленную газету. – Отличный план: прибыть под видом казначея с потерпевшего крушение судна, потом устроиться клерком в контору при замке, получить доступ к финансовой отчетности. Я старательно терпел унижения, выслушивая глупые распоряжения лорда Вессона. Этот аристократ своими капризами просто разорял людей. И кто считал и выверял его расходы? Я. Конечно, я. Только благодаря моим подсчетам его городок не скатился в полную нищету. Так кто заслужил управлять тем поганым местечком? Кто заслужил все уцелевшие богатства лорда Вессона?»

Безусловно, именно он, капитан Сварт. А как же иначе! Все складывалось в его пользу. Он уже разработал план убийства лорда. Но немолодой Вессон внезапно умер сам, не потребовалось даже подстраивать случайную гибель. До недавнего времени оставалось только устранить наследницу старого лорда. Но Аманда Вессон сама пропала год назад после загадочного пожара в имении.

Сварт отчетливо помнил обугленные развалины родового имения лорда и накатившее разочарование: он надеялся, что сам завладеет этой шикарной громадиной с горгульями на крыше и каменными барельефами, украшавшими темно-серые стены. Впрочем, особняк Вессонов в центре города тоже всегда

привлекал роскошью – витыми колоннами, ровными рядами окон на фоне безупречно выбеленного фасада, изящными лепнинами. И сытым довольством тех, кто обитал внутри.

«Оставалось немного до получения власти... Совсем немного. Не хватало лишь завершающего штриха – небольшого разграбления города верной командой тупоголовых уродов. И красивого избавления от них с моей стороны, – невесело усмехнулся Сварт. – Они-то ждали три года моего возвращения, думали, потом я отдам все им, сделаю своими приближенными. Или они вообще ничего не думали. И Маиму не думал. Неужели просто его удача?»

Сварт бесконечно прокручивал в голове детали того поединка. Каждый свой шаг! Все пытался осознать, где и когда просчитался. Поражение давило и терзало, словно ветер, который грозил сорвать паруса. Кажется, бригантина прошла черту невозвращения к былой устрашающей славе. Да и вообще к жизни.

Не нашлось денег на ремонт, и не было сил, чтобы кого-то ограбить, ведь тогда бы вновь пришлось попасть в списки разыскиваемых джиннами. Возможно, капитану просто не хватало духа, чтобы смириться и идти дальше, прогрызая себе новый путь вверх. Навалилась невозможная усталость, давящая, словно каменная плита. Замкнутый круг тянулся и тянулся, поэтому они шли на север к диким Пустым Островам, а те все не появлялись. И над кораблем сквозило грядущими холодами слоистое небо, в котором терялись алые полосы заката.

– Мы сбились с курса... куда нас унесло... – заскулил кто-то на палубе, слышался неприятный шепоток.

Сварт только скептически фыркнул: не с чего сбиваться. Корабль шел наугад.

«Я теперь бывший пират. Джинны считают, что убили меня на острове Кафу, уверены, что Маиму добил, – думал Сварт. – Когда все так сложилось? Я отомщу. Когда-нибудь всем отомщу».

Команда будто сошла с ума, впав в оцепенение. Проигравшие всегда теряют свой курс.

– Это все он! Он довел нас до такого.

– Молчи, не смей осуждать капитана. Не то он...

Трусливый шепоток на палубе продолжался, кто-то подхватывал его, передавал клубком змей недовольства. Мерзкие переговоры мешали мучить себя ненавистью ко всему живому.

Капитан Сварт прислушался, его черные глаза презрительно сощурились, он потянулся за любимыми саблями, благодаря которым заслужил свое прозвище.

Жажда убийства – вот что никогда не исчезало. Три года он сдерживал себя, уговаривал, что так нужно для грядущей победы. Хотел ли он сам такой победы? Или мечтал пролить кровь невинных горожан? Смерть, уничтожение жалких созданий – то, что всегда вдохновляло, выводило из оцепенения, дарило истинное наслаждение и чувство превосходства.

Взметнулись полы черного камзола с золотыми позументами, сверкнули алым закатным заревом пряжки сапог. Он выходил из каюты, как древний дух зла, вырывающийся из глубин бездны – высокий, поджарый, бледный, с лихорадочной улыбкой предвкушения на сизом лице.

Дракон с отвращением отложил свиток, но буквы продолжали заполнять призрачный пергамент.

– Капитан Сварт, Маиму-Длинноногий, подарки асуров. Где же подвох? – встрепенулся дракон. Мозаика предположений постепенно складывалась в единую картину.

– Ты все читаешь, – услышался внезапно скрипучий голос.

Из-за массивной ветви, мягко раздвигая парящие стеллажи, появился человек с длинными каштановыми патлами, торчавшими из-под капюшона черной толстовки, которую дополняли кожаные брюки с железными клепками. Смешной

нелепый человек, чужак для их мира. Смешной? Нет – несчастный и давно не человек.

Дракон улыбнулся, отвечая старому знакомому:

– Почему бы нет? Я устал и не хочу сражаться. Привет тебе, Сумеречный Эльф. Или лучше Страж Вселенной?

– Лучше просто Сумеречный. Ведь я неудавшийся... Страж.

– Неудавшийся ли... Ты не хочешь наконец вступить в ряды Хранителей Дерева? Подумай еще раз. Предложение щедрое, для создания с твоей силой это неплохой вариант. Ты бесконечно ходишь по мирам, не пора ли найти себе место?

– Ты просто ищешь себе замену, – скептически отозвался пришелец, проводя бледной кистью по ровным рядам свитков на ближайшей полке, приникая к ним, словно слушая шум прибоя в раковине, и вздыхая: – Судьбы-судьбы... Сколько боли! Нет, это не для меня. Я не умею просто читать, не вмешиваясь в ход событий.

– Выбор твой. Но все же для тебя есть дело. Ведь ты готов помочь? – дракон нарочито медленно вытащил искомый свиток, выдержав паузу.

Теперь он догадывался, что разбудило его в чужое время бодрствования. Ничто не происходило без причин, и неудавшийся Страж Вселенной не посещал мир Большого Дерева, если не знал, что их ждут новые потрясения. Его-то наделили знаниями о будущем – и о судьбах, и о выборе. И о страданиях. Всех и каждого во всех мирах. Тем и свели с ума.

– Помочь? – небрежно фыркнул Сумеречный Эльф, нервно дернув плечами. – Возможно, я тоже просто развлекаюсь. Не чтением, так путешествиями.

– Путешествиями, говоришь, – кивнул дракон, и только они двое понимали скрытый смысл небрежно брошенных слов. – Я вот решил почитать историю об одном пирате. Много свитков он испортил, подлец. Может быть, ты развлечешь меня чем-то, разнообразишь его историю? Она еще не дописана.

– Ты же знаешь, что я искажаю все истории, – пожал плечами Эльф.

– Не искажаешь. Я с трудом узнаю каждый раз, что это был ты. Филигранный почерк. Развесели меня! – широко улыбнулся дракон, обнажая ряды острых зубов, плечи его слегка вздрогнули, он поднял в предвкушении длинные лапы, размахивая свитком капитана Сварта: – Рассмеши так, чтобы ветви Дерева затряслись! Разгони все дурные предчувствия.

– Я вмешиваюсь в судьбы не ради твоей забавы. И вмешиваюсь только в те, где вижу пробелы, – мрачно отозвался Сумеречный, скрещивая руки, уходя в тень ветвей и винтовой лестницы стеллажей.

– Тем и заинтересовал этот заносчивый пират: пробелов в его свитке хватает. Пробелов для деяний иномирца.

– Плохо. Очень плохо, – отчеканил собеседник.

Среди бесконечного света оси миров Сумеречный, казалось, сам нес отпечаток темноты. И в этом крылась неудача творения Стражей Вселенной.

Хранителей создало само Дерево, они отделились от него в начале творения, его сыновья и дочери. И потому несли свой долг с радостью любимых детей, заботящихся о пожилых родителях.

Стражей же в другом забытом мире отобрали из племени людей, отдали им часть божественной силы, незаконно присвоенной во имя борьбы с асурами. Наделили знаниями и неуязвимостью. Но не смыслом существования. Две тысячи лет назад их тоже было двенадцать, вернее, тринадцать. Было... Уцелел лишний, тринадцатый – Сумеречный Эльф, который даже не помнил, почему взял такое прозвище и кем был до превращения. И в его руках таилась сила, способная уничтожать миры.

– Плохо или хорошо. Посмотрим, как закончится история Сварта Иренга, – вздохнул дракон, продолжая печальную игру: – В ней что-то не так. Я должен узнать конец.

– Когда-то все истории закончатся, даже наши с тобой. – Эльф вышел на свет. – Как думаешь, может ли быть судьба переписана заново?

– Нам, хранителям, неведомо. Мы лишнего не хотим знать, вверено нам хранить Дерево и свитки, а пишут их разумные создания сами. М-да, и так порой пишут...

– Что мне приходится исправлять. До встречи! – отрезал Сумеречный Эльф и растаял в воздухе, не оставив даже облачка дыма.

Пришелец, который стирает следы своего пребывания. Существо, чей свиток исчислялся двумя с половиной тысячами лет. Неудавшийся Страж Вселенной. Он отправился к подножью Дерева, снова вступил в их мир как одинокий странник.

Дракон тем временем пролистал свиток до чистого папируса, прочитал еще раз о легендарном поражении непобедимого капитала Сварта и улыбнулся: «Все-таки нашлась на тебя управа. Но тот, кто победил тебя... Маиму невольно принял подарок асуров. Не в этом ли подвох твоей истории? И о тебе ли этот свиток?»

Хранитель все читал, пока ветви Дерева пребывали в вечном покое. Но таком ли вечном? Неуловимые тени крались к вершине. Они подступали настолько незаметно, что даже древний дракон не мог отследить их движений, до последнего не слышал их шагов, оставлявших обугленные следы на белой коре ветвей.

– Кто здесь? – вскинулся за пределами призрачной библиотеки бодрствующий хранитель лета, молодой алый дракон.

– Берегись! – успел взреветь страж зимы, когда понял, что предчувствия его не обманули.

Глава 3.

Ветер скрипел снастями, на небе завихрениями протуберанцев выстраивались орды облаков, демонстрируя все оттенки серого и грязно-фиолетового. Команда ежилась на ветру и на разные лады перешептывалась о бездействии капитана, но как будто понимала, что бунт не даст результатов. Из них никто не умел сплести настоящий заговор. Только некоторые слишком громко высказывали свое недовольство. А зря!

Дверь каюты капитана неслышно отворилась, на пороге показался силуэт. Но лишь на миг. Только на секунду мелькнули острые сабли, да поймали кровавый отблеск заходящего солнца золотые позументы камзола. Лишь на миг, а команда уже оцепенела.

Кто-то с ужасом бросился за борт, обреченный затеряться в море навечно. Кто-то просто бессильно заламывал руки.

Сварт не разбирался, кто посмел усомниться в нем, в его приказах, которых он не отдавал. Он рубил наугад, догадываясь, что каждый из команды ненавидит его. Ненавидит и боится. И он их ненавидел и в высшей степени презирал. Казалось, что только эта лютая неприязнь питает в нем жизненную силу.

После поражения ненависть усилилась, самомнение было подкошено. Кроме ненависти ничего не смиряло кислоту обиды. Он ненавидел себя и одновременно страшно жалел. Вспоминал свое поражение в мельчайших деталях, чтобы сделать себе еще больнее. Еще больше жалеть и ненавидеть себя. А команда... Что команда? Способ выместить ярость.

– Спасайся, кто мо... – оборвался чей-то крик, потонул бульканьем агонии в распоротом горле.

– К-капитан... мы не... мы не замыслили бунт! – оправдывался старпом и только чудом уклонился от удара сабли, забившись куда-то под лестницу, ведущую на бак.

Тот же, кто посмел обнажить оружие, немедленно отправлялся на корм рыбам. Капитан Сварт заслужил свое прозвище Две Кровавые Руки за то, что в течение

почти двадцати лет поражал всех искусством владения саблями. И скоростью. Только кто-то успел выставить блок для одного клинка, как его настигал второй. Капитан превосходно владел обеими руками.

И теперь, уничтожая свою перепуганную истощенную команду, он наслаждался, как в прежние времена, когда они нападали на бедные рыбацкие деревни и торговые суда.

У пиратов не оставалось шансов, они становились один за другим жертвами своего беспощадного предводителя, который просто вымещал злобу. И им, трусливым и жестоким головорезам, только и оставалось, что уповать на милость удачи. Но она отвернулась от бригантины еще в тот миг, когда капитан провозгласил свой уход. А вернулся, точно мертвец с того света, со свитой бедствий.

Он не выбирал жертв. И просто бесцельно носился черным морем между слабо разбегающимися телами. Слабо, потому что в его восприятии, искаженном безумной скоростью смертоносных движений, люди выглядели почти неподвижными.

Глаза его горели, лицо перекосила ухмылка. Один удар, второй – лезвия прорезали воздух, встречаясь с потоками ветра. Разрубали их, вспарывали и натыкались на вьющиеся, как тени в пустыне, силуэты людей, освобождая потоки крови. И она, обретая свободу, истекала вместе с жизнью.

Капитан упивался убийствами, а на западе солнце утопало в багряных волнах.

Кошмар пиратов продлился не более пяти минут. Сварт внезапно остановился, опустил сабли и медленно протер треснувшие очки. Он даже не запыхался, только на высоком лбу и висках пульсировали жилки гнева.

– К-капитан, за что? – выдохнул матрос со вспоротым животом и замер возле ног Сварта, который небрежно переступил через тело.

Море несло корабль, казавшийся черной точкой на картине неба и зеленых валов. Команда оцепенела, косясь на десять свежих трупов, разбросанных по палубе с обескураженными лицами. Тишина неопределенности съедала колкие минуты. Только слышалось, как стучат от страха чьи-то зубы.

– Да он нас всех перебьет! – вдруг завывли двое пиратов и бросились с саблями на капитана, казалось, совершенно неподвижного.

Он тем временем снова протер очки, раздраженно закрывая глаза, словно ожидая, когда противники подберутся максимально близко.

Но за секунду до предполагаемого удара Сварт словно исчез, а еще через миг двое нападавших упали в разные стороны, пораженные ударами в спину. Лицо Сварта искажала ухмылка превосходства, глаза жадно впитывали вид свежей крови.

– Есть еще несогласные? – сдержанно и вежливо спросил он.

Капитан выглядел хладнокровным и рассудительным, будто не он устроил беспощадную расправу. Команда не смела возражать и только впадала в еще большее оцепенение. Сварт как будто и не пытался принять факт того, что они сбились с курса. Он словно ждал, когда их настигнет безвременная гибель. Корабль медленно превращался в призрак.

Закат все полыхал, солнце тонуло в море. Дневное светило всегда встает на востоке, оно не может утонуть в океане, оно не исчезает навсегда. Лишь у людей один исход от утра до вечера земного срока.

– Кто-то еще намерен возражать? Может быть, проведем голосование? Может быть, у кого-то есть предложения? – издевательски спрашивал Сварт. Пираты отшатывались от него и закрывали лица грязными руками.

С клинков стекала кровь, медленно ударяясь о доски палубы, капля за каплей, вязкая, яркая.

– К-капитан... – послышался несмелый голос, срывающийся в шепот: – Вы убили нашего навигатора.

Но один взгляд беспросветно черных глаз заставил замолчать. Казалось, снова поднимутся клинки, но Сварт лишь раздраженно бросил:

– Вы жаловались, что мы сбились с курса. Это его вина, значит, он был бесполезен.

И без того перекошенные лица пиратов еще больше подернулись глубокой тенью нараставшего отчаяния. Свободные люди, морские разбойники. Свобода... Какая свобода? Бескрайнее море становилось самой надежной ловушкой.

– Уберите здесь все. Ненавижу беспорядок, – недовольно добавил капитан и медленно пошел по палубе, брезгливо огибая лужи крови, въедавшейся в просмоленную древесину. Он направлялся обратно в свою каюту.

Пираты несмотря на пережитый ужас, несмотря на ощущение своей обреченности поторопились немедленно избавиться от тел. И принялись старательно драить палубу. Ведь гибель в море, ее ожидание – это только вероятность. Иное дело – гнев капитана. Корабль мог найти землю. И смерть бы тогда прогадала, а вот сабли никогда не ошибались.

Сварт собирался вновь впасть в беспробудное ожидание будущей мести. Когда и как он намеревался осуществлять ее, он не знал. Маиму заслуживал смерти. Но куда скрылся мальчишка, какие моря бороздил – никто не докладывал. И в голову не приходило ни единой идеи. Только вставали в воображении картины поверженных врагов, а промежуток между «здесь-сейчас» и моментом сладостной победы тонул в темноте, точно диск солнца в волнах.

Капитан вдыхал соленый ветер, который невыразимым языком стенал о пропавших в темных глубинах. И собирал все новые жертвы, креня корабли, валя мачты, вспенивая море. Но закатное небо не обещало бури, не в этот вечер.

Только неведомое течение схватило одинокую бригантину и неумолимо несло в неизвестность. Капитан догадывался, что отнюдь не к Пустым Островам. Точно кто-то проклял его, наградив такой судьбой. Проклял с самого рождения, с тех времен, когда он, потерянный и никому не нужный, бродил по трупам приморского городка Круны – крошечной бедной страны, не сдавшейся на милость власти джиннов. Но соленый ветер всегда манил его в океан. И теперь влажные порывы шептали, что бурные волны станут могилой неудачливого пирата.

Сварт еще раз обернулся на молчаливую команду: его окружали живые привидения. Не осталось прежних лихих парней, с некоторыми из которых он выходил из вонючего порта прибрежного городишки. В тот год ему едва сравнялось пятнадцать. Лодка его была не больше той, на которой прибыл на остров Маиму. И он еще на что-то надеялся, хотя все так же ненавидел людей. Теперь его время, очевидно, прошло.

Когда он очнулся через четыре дня после сражения с Маиму-Длинноногим, корабль уже далеко отошел от суши, затерялся среди незнакомых океанских путей за Островом Большого Дерева. Тогда все окончательно рухнуло.

Сварт устало вздохнул, намереваясь укрыться в каюте и очистить любимые сабли от кровавых пятен. Это занятие имело хоть какой-то смысл. Все прочее – нет.

Внезапно мелькнула чья-то смутная тень, кто-то стоял на перилах корабля. Сварт сначала решил, что боковое зрение впервые обмануло его. Команда же явно считала, что в море плывут миражи или что они все сошли с ума. Но нет, кто-то действительно стоял на перилах.

Капитан Сварт быстро развернулся, настороженно выхватывая сабли, готовясь к стремительной атаке.

– Кто ты такой, змей тебя морской побери?! – рявкнул кто-то из команды.

– Мокрице слово не давали, – нарисовался за спиной пирата капитан и приставил лезвие к горлу нерадивого матроса, но на этот раз не убил. Затем Сварт выпрямился, спокойно обращаясь к престранному пришельцу: – Кто ты такой?

– Сумеречный Эльф, – весело отозвался незнакомец, разгуливая по самому краю перил, практически танцуя на них.

Сварт так тоже умел когда-то. И именно поэтому действия неизвестного субъекта раздражали его: он не желал допускать даже мысли о том, что кто-то мог сравниться с ним. Он всегда считал себя лучшим из лучших, хитрейшим из хитрейших, сильнейшим из сильнейших, но досадное поражение доказало обратное. И память об этом разъедала мысли серной кислотой.

А незнакомец, взмахивая длинными полами черного камзола с серебряными галунами, плясал на перилах и, очевидно, издевался, скороговоркой тараторя, задыхаясь словами:

– Что? Денег нет? А знаешь, есть такой гадкий островок как Ифритова Смерть. Много кораблей там потонуло. Но, знаешь... Там такие сокровища! Алмазы! Неграненые алмазы. Ты же всегда любил разглядывать их. Да, неграненые алмазы. Любил всматриваться в их мутную белизну.

– Откуда тебе это известно? – полагая, что пришелец просто блефует, осведомился Сварт: – Это способность твоего «подарка асура»? Ты маг или джинн?

Сварт старательно скрывал свое изумление. Джинны, конечно, состояли из пара и появились из вулканических испарений, как гласили легенды, поэтому умели летать. Но также они ненавидели открытое море, воду и не могли перемещаться над волнами даже в своей «огненной форме».

– Подарок асуров? О чем ты? – строил из себя дурачка собеседник, не слезая с перил, балансируя на них, пока корабль взбирался на вершину невысокой волны и срывался в вниз: – Я такую гадость не трогаю. Я Сумеречный Эльф. Меня занес попутный ветер.

«Занес посреди моря? У него, вероятно, где-то корабль. Похоже на ловушку. Зачем он сразу говорит о сокровищах? Точно ловушка», – подумал Сварт. И, еще не двигаясь с места, представлял, с какой стороны лучше атаковать врага. Он тянул время, чтобы рассмотреть противника и просчитать возможную опасность.

На джинна пришелец не походил, не хватало огненной ауры. Разве что спятивший человеческий маг освоил чудеса мгновенного перемещения. Но зачем? Сварт не понимал. И это чувство всегда раздражало.

Закат совсем потух, полумесяц распластался искаженным отражением на поверхности воды, точно рассматривая себя в кривом зеркале. Сумеречный Эльф демонстрировал чудеса акробатики: волнение на море усиливалось. Ночь все же обещала бурю, обманув вечерним покоем.

Полумесяц мерк под покровом новых туч, корабль набирал скорость. Ветер слишком ретиво начинал играть с парусами, так что вскоре пришлось их убрать. Рулевой все с большим трудом удерживал штурвал, буря напознала, заключала, точно змея, в свои кольца.

А капитан Сварт почти радовался этой непогоде. Начавшаяся гроза всполохами молнии запечатлела улыбку хищной рептилии, когда он говорил:

– Если в течение следующих двух минут ты не объяснишь, кто ты, я убью тебя!

– Это сложно, – задумался Сумеречный и, точно намеренно исчерпывая лимит своих двух минут, рухнул с перил на палубу. Настолько нелепо и неуклюже, будто не сумел бы продержаться там и секунды.

– Отвечай! Что ты за тварь? – настаивал Сварт, осторожно приближаясь и выставляя вперед сабли.

– Тварь, что сотворили. Как сотворили, так и стал тварью. А такое со мной сотворили... Сотворили, – пробормотал Сумеречный Эльф, неловко поднимаясь.

На вид ему было не больше двадцати пяти, только взгляд карих глаз выдавал, что внешний вид обманчив. Под черным камзолом оказалась одежда непривычного покроя из незнакомого материала. Да еще на кожаных брюках красовались какие-то заклепки, как у парового котла. Но, что главное, за спиной у него обнаружили ножны с мечом. Сварт мог поклясться, что мгновение назад их не было. Не разбираясь в таких странностях, он немедленно принял боевую стойку:

– Так ты истребитель пиратов? Прислужник джиннов?

– Ай-ай-ай, – картинно потирал шишку Сумеречный Эльф и совершенно не реагировал на вопросы, а потом резко подскочил, заливаясь поганим хохотом: – Давай на сегодня я стану истребителем пиратов. Ты поддал мне отличную идею!

С этими словами Эльф потянулся за мечом, Сварт успел опередить.

Приуроченный к всполоху молнии бросок должен был сокрушить противника. Но в последний миг Сумеречный, продолжая медленно тянуться за мечом, каким-то

мистическим образом уклонился. Сварт не поверил своим глазам, никто не мог сравниться с ним по скорости.

Только однажды она не спасла. Однажды. Маиму-Длинноногий! Сварт все еще не понимал, как его могли победить, списывал все на «подарок асуров». Но он потратил всю жизнь, чтобы доказать себе и окружающим, что человек способен достичь небывалых высот и без магии. Выходит, не может. Не в их проклятом мире, на которое равнодушно взирало Большое Дерево. Сначала Маиму с его «даром асуров», теперь этот Сумеречный Эльф. Они выводили из себя, лишали хладнокровия, столь необходимого в бою.

Пришелец просто уклонился, не прилагая особых усилий. В душу Сварта заползали сомнения: так ли он хорош, так ли быстр? Недавнее избиение команды оказалось только проверкой, самоутверждением, попыткой не потерять веру в себя. Он всегда хотел быть лучшим, а если не получалось, впадал в бешенство.

– Я тебя уничтожу! – прорычал Сварт, теряя оттиск ледяного спокойствия.

Звон огласил палубу, когда три клинка взметнулись стальным вихрем. Сабли поймали меч в ловушку двух лезвий, но враг сощурился и отпрянул столь стремительно, что оказался за спиной. Сварт выругался сквозь зубы и мгновенно развернулся. Он никогда бы не позволил повторить свой прием. Частый, подлый, действенный.

Поединок длился, команда боялась вмешиваться, уносясь с палубы кто куда. Только неумолимое время катило сквозь морские волны краткие секунды.

Рьяно сверкали молнии. Люди на палубе натягивали снасти, а капитан сражался с вестником бури. Короткими щелчками раздавались неуловимые шаги при каждом броске, когда оба пытались напасть внезапно, но раз за разом только скрещивались стальные сущности клинков.

Гашеной содой пенились валы, корабль взлетал, как на крыльях, и падал в бездну. Ночь открыла новые чертоги, излом ярости, вырубленный зигзагами молний.

Скорость отделяла слова от смыслов. И смыслы летели вперед, а буквы заплетались между ног команды. А те, что сошлись в поединке, не впитывали смысл, только их оружие создавало свой.

Сумеречный был хорош, но Сварт не промахивался, все набирая скорость на пределе своих возможностей. Бил собственные рекорды, кружась метелью вокруг противника, который раз за разом непостижимо успевал уследить за движениями гибкого тренированного тела.

Сварт не мог позволить усомниться в себе, предположить, что за время бездействия способности угасли, поэтому все стремительней становились его броски. И напряжение пронзало мышцы скрипом стали. Быстрее! Еще быстрее! Быстрее, чем звук звенящего металла и осыпавшихся с лезвий искр.

Быстрее... Но враг не отставал. Он словно не ощущал усталости. Откуда пришел? Кто? Как?

Поговаривал, что ходили по морям пираты-одиночки, которые пугали своими способностями даже джиннов. Те, кто нашел самые мощные «дары асуров». Сварт слушал легенды и не верил. Не верить легче, чем признать, что сила его не лежала за гранью человеческих возможностей. Слишком невыносимо принять, что лучшим из лучших никогда не стать. «Подарки асуров» – проклятье их мира и заветная мечта любого пирата.

– У тебя дар асуров? Какой? – прошипел Сварт, когда меч оказался вновь пойман в перекрестье сабель.

Но Сумеречный Эльф легко освободил оружие, вывернулся так, что у любого нормального человека уже вылетел бы плечевой сустав.

– Нет, – с безмятежной наглостью отвечал он. – Я тварь, с которой сотворили...

– Лжец!

В ночи клинки взвивались молниями, корабль окутывал мрак. Зарницы били в волны, мачта едва их избегала. Молнии, судьбы, клинки – все общее меж ними, роковое. И кто-то закричал – смыло за борт, донесся удар о доски. Возглас стих.

А Сварт не замечал качки, он танцевал на скользкой палубе и наслаждался хаосом вокруг.

Буря нарастала, но в море не выходит тот, кто устрашит бурь, поэтому сражались двое. И молнии клинками отбивали скорость. Гулко чеканились о доски шаги. Все чаще, все стремительней, напрягая все органы, все артерии. Клинки смыкались бессчетными ударами. И каждая атака отмеряла ритм урагана. Близился девятый вал.

– Это ты вызвал бурю? – воскликнул Сварт, когда над бригантиной взвилась волна, гигантская, окутанная пеной, как гора со снежной шапкой на вершине.

– Быть может, я. А может, и не я, – издевался Сумеречный Эльф и то ли выкрикнул, то ли хрипло запел без рифмы и мотива: – Нет разницы между горами, ветром, морем – все едино. Едина храбрость, паника иль желчность, един конец, и жизнь всегда едина. И только смерть нас разделяет всех.

Море играло всеми цветами и доставало до самых небес. Соленый ветер шептал о гибели, волны вырывали обшивку, а человек сражался. Так надо, иначе не выжить. Забывая о девятом вале, Сварт продолжал отражать удары меча и высматривать удобный момент для сокрушительной атаки.

И вместе с обрушением волны сразил врага, подкосив ударом сабель ноги, почти перерубив кости. Море громко ухнуло, и возглас противника потонул в реве бури.

Сумеречный Эльф упал навзничь, истекая кровью. Сварт торжествовал: он оказался быстрее, искуснее, стремительнее, лучше. В тот миг корабль едва не накрыла волна, но удалось пройти. Буря успокаивалась. На горизонте метавшихся туч уже просматривался просвет, сквозь который ртутью блестел грозный полумесяц.

– Что скажешь, а, тварь? – торжествующе ухмыльнулся Сварт.

Поверженный враг выронил меч, к его горлу придвинулись лезвия сабель. Капитан алчно ухмылялся, намереваясь добить, вспороть мышцы шеи и упоенно слушать, как задыхается противник.

Сумеречный Эльф, затряс перед собой руками, косясь на клинки, торопливо убеждая:

– Стой, стой! Стой! Я знаю, где сокровище! Величайшее сокровище! И это не тайники джиннов! Кое-что получше!

– Говори! – Сварт плотнее придвинул лезвия к шее поверженного врага. Но с лица медленно сползала ухмылка безумца, стекала застывшая маска улыбки, от уже которой болели скулы.

– Ну, ты же меня убьешь! – вновь строил из себя дурачка Сумеречный Эльф.

– А почему ты так уверен, что мне нужно это сокровище? – спросил Сварт, придвигая лезвия так близко к шее врага, что выступала кровь: – Ты думаешь, я доверюсь твоим координатам?

И Сварт, вновь ухмыляясь, проткнул мечом горло Сумеречного Эльфа, ни на миг не поверив сказке о сокровищах. Захрустели кости, распадались лоскутками покровы бледной кожи, когда сталь врезалась в плоть. Сварт был готов освежевать врага.

Сумеречный Эльф давился, делал вид, что умоляет о пощаде или посылает проклятья, а потом вдруг встrepенулся и рассмеялся, разводя руками и дрыгая ногами:

– Эх... Вот так незадача! Я бессмертный. И вообще, где гарантия, что твой враг не твое больное воображение?

И тогда Сварту впервые стало по-настоящему страшно. Теперь-то он совершенно ничего не понимал, с подозрением глядя на свои верные лезвия, а потом на руки. Он сошел с ума? Или способность «дара асуров» затуманила его разум?

А Сумеречный Эльф тарачился на него с нескрываемой веселостью. И взгляд карих глаз ужасал сквозящей в них бездной, будто разверзлись темные недра океана и выплеснулись на палубу затерянного корабля. Будто сам Великий Змей, оплетающий мир, вынырнул и принял человеческий облик.

Сумеречный Эльф лежал на спине с выставленными перед собой руками, гадко посмеивался и продолжал свой ненормальный речитатив:

- Люди опадают незаметно, как росинки с лепестков цветов. Истекаешь жизнью беспросветно, ведь творенья замысел таков. Как росинка жизнь, как росинка смерть. Просто ль ты мечтаешь догореть?

Сварт застыл с перекошенным лицом, опуская сабли, не зная, какую из масок теперь выбирать – маньяка или хладнокровного расчетливого комбинатора.

- Да кто ты такой?!

Глава 4.

- Берегись! – крикнул хранитель зимы, подлетая к хранителю лета. Он успел оттолкнуть молодого дракона за миг до падения гигантской ветки.

Она пронеслась вниз и опасно повисла в сплетении лиан. Когда ломались ветви Древа, мир ждал бедствия. На этот раз кто-то словно взорвал изнутри часть оси мироздания.

- Это сделали асуры! – воскликнул пораженный хранитель лета.

- Ты в порядке? – спросил древний дракон. В тот миг он думал в первую очередь о молодом товарище.

- Да, о, мастер Вейяча, – почтительно ответил хранитель лета, взмахивая четырьмя прозрачными крыльями с яркими узорами.

Его мягкая красная шерсть и венчик цветов на голове светились самой жизнью, как и полагается лету. Но на этот раз синие глаза хранителя лета метали молнии, из ноздрей вырывалось пламя.

Ветви Большого Дерева прорезал скрежет, сыпалась белая кора. Ветер беспощадно трепал листву и свитки, которые едва удерживались на стеллажах. Все рушилось. Прекрасная гармония сменялась тревогой, драконы один за другим просыпались. На верхние ветви поднимались и верные помощники хранителей – феи.

Золотые латы стражей сверкали, стрекотали крылья. Эти создания внешне почти не отличались от людей, но они крепче всех срослись с энергией Дерева и понимали его не хуже драконов. Поэтому феи издавна помогали хранителям, но обитали на среднем ярусе Дерева, на более низких ветвях. Теперь сигнал тревоги, разнесшийся от верхушки до корней, призвал их на высшие уровни, куда обычно не пускали никого, кроме хранителей.

Много их пронеслось мимо мастера Вейячи, а он углубился в наведение порядка на стеллажах. Рухнувшая ветка повредила парящие в невесомости свитки. Их сокровище, их величайшую реликвию.

Древний дракон метался, подбирая размотавшиеся папирусы. Если бы хоть один из них пострадал, перепутались бы нити мироздания. Уничтожение свитка прервало бы судьбу его обладателя, что означало страшное – смерть. Но не в назначенное время, а прежде срока. И новый хаос.

Дракон перебирал когтистыми пальцами по страницам. Он почти навел порядок, когда Дерево затряслось от нового удара.

– В чем дело? – встрепенулся он.

– Асуры! Асуры выпустили в море Сциллу и Харибду, – ответил кто-то из пролетающих мимо фей. Сверкнула золотистая кольчуга и изогнутый стальной меч.

– Полагаю, вы уже ничего не сможете сделать, – недовольно отозвался мастер Вейяча и вернулся к свиткам: – Они всегда жили в том проливе. Когда нам удалось заточить их, это еще не значило, что мы их победили. Харибда...

Сцилла... Сколько веков я удерживал их на дне океана. Эх, молодежь... Плохо вы работаете.

Когда опасность миновала, оставалось лишь ждать новой атаки. Возможно, асуры отступили, нанеся один короткий удар, выпустив из ловушки чудовищ. Но древний хранитель в этом сомневался. И пока он намеренно не глядел на суету вокруг, медленно перебирая свитки. Он что-то вспоминал, путешествуя в туманных далях своей памяти, похожей на обломки древнего поместья, усталого плющом, где гости – призраки и ключ от ворот давно утерян. Хранитель все силился понять, почему его заставил проснуться свиток Сварта Иренга. И почему в нем оказалось столько пробелов. Пробелы – деяния Неудавшегося Стража Вселенной. Так не до него ли стремились добраться асуры?

Внезапно слышались крики, дракон встrepенулся, из-под челки перьев загорелись желтым его янтарные с изумрудными искрами глаза, он понял: атака асуров переместилась на нижние ветви. Значит, новые стеллажи оказались в опасности, новые свитки. Судьбы!

Мастер Вейяча расправил необъятные изумрудные крылья, требуя посторониться, и неуловимой стрелой кинулся вниз. Из ниоткуда в руке его появился меч, огромный, в человеческий рост, с усыпанной самоцветами рукояткой. По лезвию змеились узоры, изображавшие картину мироздания, Дерева. Меч – его воплощение и защита.

– Мастер Вейяча вышел на бой, мастер... – перешептывались феи, построившись за его спиной рассеянным ромбом. Лишь негромко стрекотали их крылья, когда они прикрывали спину дракона.

– Защитим Большое Дерево! – прошептал хранитель зимы, ступая на нижние ветви.

Библиотека свитков извивалась тысячами прозрачных шкафов, выроставших прямо из белой коры. Искусные узоры проступали на сросшихся с древесиной полках. Хранилище свитков было воплощением покоя. И вот вновь асуры посягали на эту безмятежность, этот порядок, желая уничтожить его, поработить и очернить.

Дракон твердой походкой закаленного воина мгновенно спустился вниз. Битва шла на уровне фей, разносился треск заклинаний, магия стражей вспыхивала зелеными искрами. Горели янтарем зажженные мечи защитников Дерева.

Драконы тоже сражались. Трое из них остались охранять высший уровень, портал, где сходилась воедино множество миров. Но другие ринулись в атаку. И никто не ждал, что старейший служитель Дерева вступит в противостояние. Но он шел вперед, потому что дурные предчувствия никогда не обманывали его. А они нарастали с каждым шагом.

– Уничтожить! – ревели враги.

Асуры, окутанные соцветиями темных аур, выплавляли клинки из мрака, скрещивая их с оружием хранителей порядка. Сыпались ядовитые черные перья... И оказывалось, что асуров больше, чем фей и драконов, собравшихся в библиотеке Дерева.

Служители тьмы часто пытались похитить то один, то другой свиток, но теперь напали целым отрядом. Они стремились наверх, к оси миров.

Асуры мечтали выбраться из своего запечатанного мира Бенаам, ставшего ловушкой для жадных тварей, которые в незапамятные времена проглотили множество планет. Теперь их удерживала особая магия: однажды собственная жадность сотворила им ловушку.

– Что, не сидится в Бенааме? Не просто так явился Сумеречный Эльф! Чувствовал, что придут к нам те, кто уничтожил его мир, – рычал мастер Вейяча, поливая ледяным пламенем рвущихся к нему всем скопом противников. И они застывали замороженными статуями, падая к подножью Дерева, срываясь с белых ветвей.

Двое успели прорвать оцепление, несколько фей болезненно изогнулись, насквозь пропоротые клинками мрака.

Хранитель зимы яростно сжал зубы, заметив проигрыш товарищей, досада и боль затронули все струны его души. И он бросился в атаку. Меч вращался, как карающий смерч.

Несколько асуров сразу же вздрогнули и с треском рассыпались снопом искр. Еще двое сорвались с веток, устремляясь к теряющейся за облаками земле. Служители тьмы не имели четкой формы, но ныне падали к подножью дерева в облике людей. Так им приказывал древним волшебством мастер Вейяча, чтобы ни одна тварь не избежала смертельного столкновения.

Он последовал за теми, кто взлетел под потолок, нарисовавшись уродливыми кляксами на фоне белоснежных ветвей и зеленой листвы. Враги старательно убегали, уклонялись от клинка. Тогда Хранитель бросил меч, точно бумеранг. И оружие верно понеслось вперед, поразив своим вращением сначала одного, а затем и второго противника, пытавшегося прорваться в глубь библиотеки.

– Вы не смеее вмешиваться в судьбы людей! Падальщики хаоса! – громко прошипел мастер Вейяча. Перья его взметнулись от резкого броска, меч вернулся в когтистую лапу. И он продолжил сражение.

Вокруг летали вспышки магии, падали замертво феи, пораженные тьмой. Рассыпались вулканической породой асуры. Хранитель зимы высматривал знакомые лица, и сердце его сжималось, когда он видел, как убивают его друзей.

На ветвях, ведущих к вершине, вели отчаянную борьбу старший лейтенант фей Закуда Мауден и младший лейтенант Янори Хитам, с ними едва ли могли справиться асуры. Хотя Янори всего год назад был только рядовым в страже фей. Хранитель зимы довольно кивнул, глядя, как они бьются.

Несмотря на отчаянную атаку асуров, слаженная работа фей и драконов оттесняла их, отгоняла обратно к черной расселине неверного портала, повисшей недалеко от Дерева. Она смотрелась кровоточащей раной на ткани мироздания. Драконам еще предстояло ее залатать, сплести заново все белые линии, сшить, чтобы не осталось уродливого шрама. А пока они сражались.

Янори, яростно сверкая большими зелеными глазами и встряхивая медными кудрями, отбивался от двух созданий мрака, тесня их и отбрасывая все дальше от драгоценных стеллажей. Гулко трещали его золотистые крылья, мерцали стальные латы.

Закуда, хладнокровный педант и непревзойденный боец, прорубался сквозь врагов с изогнутым мечом и успевал выносить с поля боя раненых товарищей.

В отличие от асуров, феи не устремлялись к земле, даже когда их крылья переставали стрекотать. Их берегла магия Дерева, но в этот день она не спасала от острых мечей мрака, плавящих доспехи, вспарывающих кольчуги и зачарованные стальные панцири.

Хранитель зимы смотрел на портал, считая, что в библиотеку свитков невозможно попасть иными путями. Никто не мог прокрасться наверх, никто не мог добраться до свитков, которые заставили его проснуться. Никто?

Внезапно он заметил какое-то движение возле стеллажей. Две черные тени копались в тех самых свитках, которые мастер Вейяча только недавно перечитывал. Воры что-то гнусно искали, торопливо сминая папирус. Грязные лапы с черными когтями тянулись к свиткам.

Но вдруг взгляд Легендарного приковал асур, атаковавший Янори. Младший лейтенант отлично отбивался, но предательский удар в спину грозил ему смертью.

Время на размышленья? Секунда, даже меньше. Свитки судеб – драгоценность хранителей, или жизнь младшего лейтенанта? Как мало времени! Время – росинка на лепестке цветка. И жизнь – росинка...

Мастер Вейяча, упав грозовым облаком с вышины ветвей, скалой встал за спиной Янори. Меч немедленно срубил голову подлого врага.

Младший лейтенант Янори обернулся, едва ли поняв, что прошел по грани. Хранитель зимы, не одарив его и взглядом, метнулся к свиткам, но похитители уже украли все, за чем пришли. Он наткнулся лишь на выпотрошенный стеллаж, сиротливо застывший обугленной древесиной, как разоренное гнездо.

И в этот же миг асуры откатились к порталу темной волной, точно схлынул губительный поток. Точно кто-то отдал приказ к отступлению.

– Остановите их! – крикнул хранитель зимы, и из его пасти вырвалось ледяное пламя.

Феи и драконы кинулись к черной прорези портала, но она внезапно захлопнулась.

«Это был мой выбор. Выбор... Жизнь младшего лейтенанта в обмен, возможно, на жизнь всего мира. Всё Сумеречный с его извечными разговорами о цели и средствах. Но... я не мог поступить иначе», – ужаснулся хранитель зимы, наблюдая, как исчезают малейшие следы черного портала. Асуры сами закрывали преступный лаз, заметали следы, чтобы никто не смог последовать за ними.

Похоже, приходили они именно за свитками. Положили половину мощного отряда, но свое получили. Наверняка действовали по просчитанному плану, изначально предполагавшему жертвы.

И вот их удалось изгнать, Дерево вновь застыло мнимым покоем, но на нем зияли порезы, которые спешно латали драконы. Сок Большого Дерева – кровь их несчастного мира.

Феи спешили помочь раненым, разбирали завалы из разорванных лиан и срубленных ветвей, проводили подсчет свитков. И никто не знал, победили они на этот раз или потерпели поражение.

Мастер Вейяча стоял в растерянности. Затем, вымещая внутренне волнение, непривычно резко приказал:

– Старший лейтенант Мауден, младший лейтенант Хитам, доложить обстановку!

– Есть, мастер! – вытянулся по струнке Янори Хитам, отрапортовал: – Пятеро наших погибли, семь ранены, потери противника больше наших в два раза, раненых не считали.

– Что со свитками, лейтенант?

– Пропали свитки Капитана Сварта, Аманды Вессон и... и... ваш! – Янори нервно сглотнул, его полудетские наивные глаза виновато округлились. – Еще у двадцати пяти свитков вырваны последние страницы.

– Эти люди живы? – взволнованно вытянул шею хранитель зимы.

– Пока да, но места для описания их судеб осталось немного, – спокойным глухим голосом отвечал лейтенант Закуда, который мало переживал за судьбы людей. Для него свитки всегда были только документами отчетности.

Серая кольчуга и глухой шлем сменились по велению магии строгим костюмом, как у клерков за пределами Острова Дерева. Закуда деловито принялся подбирать парящие в беспорядке свитки и сверять с обширным каталогом.

– Как жаль... – вздохнул хранитель, продолжая тяжким стоном: – Как жаль, что не дано нам клеивать новые листы! Почему даже на отдыхе я должен работать? Я так стар...

– У хранителей нет отпуска, – мрачно ответил Закуда: – Что делать с вашим свитком? Мы готовы организовать специальный отряд с учетом ваших заслуг...

– Чем я отличаюсь от остальных? Что делать? Искать. Наравне с остальными. Свитки людей, возможно, даже более важны, – ответил мастер Вейяча и взмыл обратно на высокие ветки, лишь приговаривая: – Ничего, хуже мне уже не сделают. Никто не переписет мой свиток. Никто не сведет меня с ума больше, чем я уже сошел.

Хранитель зимы устроился на широкой ветке, оплел ее, как змея, и затих, укрывшись крыльями. Он не мешал и не помогал, съежился, не зная, что теперь читать, что вообще делать. Похищенный свиток – похищенная душа, переписанная незаконной рукой судьба. Зачем украли его свиток? Чтобы просто досадить давнему противнику?

«Асуры совсем распоясались, – размышлял мастер Вейяча. – Прорываются через порталы, выпускают в море монстров. Да еще подкидывают людям так называемые «подарки». А люди-то что... Люди – наивный народ, достают, принимают, получают способности и рады. Вот только кто и как их использует? Кто-то и хорошее придумал. Маиму-Длинноногий, ты сумел пойти против воли

асуров. Даже когда твои способности зависят от их подарка, этого сомнительного подношения чужого мира, ты все равно сражаешься за добро. Не каждый так умеет. Но нет ли у асуров планов на твой счет?»

– Мастер, библиотека в плачевном состоянии, – пришел через несколько часов с донесением старший лейтенант Закуда. С собой он нес пять расцарапанных свитков.

– Будто я не вижу, – вздохнул хранитель зимы.

Его сковывал внутренний холод, иней больше не вырвался из ноздрей. Не хватало воздуха. Он чувствовал, что асуры завладели его свитком и мечтают уничтожить, но пока не торопятся, медленно пытаются, скребут когтями по изодранному папирусу. Возможно, они решили доставить душу хранителя на поругание самому темному королю Бенаама.

– Картотека не помогает навести порядок. Боюсь, на это уйдет больше времени, чем мы рассчитывали.

Хранитель зимы и без уточнений знал, что многие свитки оказались перепутаны, переставлены, помяты, как будто за пару секунд по всем полкам прошелся тайфун. Узнавалась работа высших чинов темной армии. Не зря древний хранитель выступил против них. Но он все еще не понимал мотивов.

Украли свиток капитана Сварта, тот самый, из-за которого древний дракон пробудился до срока. Почему именно этого неприметного пирата? И почему именно некой Аманды Вессон?

Мастер Вейяча пока не понимал, он раздраженно бродил по хранилищу, теребя мох на рогах.

Постепенно в душе его созрело опасное решение: «Я спущусь с ветвей Дерева. Я обязан вернуть эти свитки, иначе настанет хаос. Асуры не имеют права вписывать в них новые строчки. Сумеречный, сдерживай их, пока это в твоих силах. А в моем свитке и так вдоволь похозяйничали асуры. Пока со мной сила хранителя, враги не смогут уничтожить его. Но я должен найти портал в проклятый мир Бенаам. И все исправить».

А на бригантине в мире людей шла своя жизнь, тускнеющая, покрытая отсветами месяца. Сварт рассматривал пленника, раздраженно протирая очки. Ничего нового разглядеть не получалось.

Сумеречного Эльфа после поражения связали, заломив руки за спину. Потащили, беспощадно колотя челюстью о палубу, прикрутили всеми свободными цепями и канатами к мачте, вывернув плечи так, что каждый бы взвыл от боли, от этой медленной пытки выламывания суставов. А Эльф молчал и молчал, и свет месяца мешал разглядеть выражение узкого сурового лица.

– Пусть я буду не бродом, но рекой, где каждый найдет покой, не речью, но словом, не ветром, но новым... – тихо пел пленник, потом встрепенулся и более осмысленно пробормотал: – Дерево и свитки. Битва в кроне Дерева. Свитки... Твой свиток, капитан. Твоя душа. Зачем мы сражаемся за твою душу? Она чернее сажи. Но моя не лучше.

– Сумасшедший, – проскрежетал сквозь зубы Сварт и потребовал масляную лампу, чтобы насладиться видом боли на лице пленника.

Он обожал рассматривать испуганные лица проигравших. Но с некоторых пор осознание, что однажды он оказался в их числе, приносило смешанное чувство ярости и упоения.

Он не мог предположить, что выглядел так же потерянно и удивленно, как те несчастные, которых он обрекал на гибель. Он хотел бы забыть о поражении, но каленым железом выжигал в сознании эту память.

Сварт поднес лампу ближе к пленнику – заплясали огненные блики.

– Я хочу прорасти камнем, как из души исходом грачиным, чтобы все черные птицы по полю пошли, а рыжие лошади – по небу. Чтоб не топтали траву, чтоб не металы попусту стройных лет, – продолжал тихо петь пленник.

Пусть так. Порой узники декламировали стихи, чтобы забыться. Но боль всех настигала острыми жалами. Сварт много знал о боли, слишком много. Еще со времен жизни в Круне...

Сумеречный Эльф выглядел отрешенным и одновременно мятежным. Глядел презрительно, как будто знал что-то, но не хотел говорить. И в этой насмешливости проскальзывала небывалая скорбь.

- Ты не охотник на пиратов? Не наймит джиннов? - спросил настойчиво Сварт.

От усиливавшейся бессонницы он стал еще более раздражительным, чем всегда. И непонятные события окончательно выводили из себя.

- Нет. Я сам скорее пират.

- И что ты пытался мне доказать, рассказывая небылицы о каких-то сокровищах? - продолжал монотонно капитан, поднося клинок к лицу пленника, оставляя с наслаждением глубокие порезы.

Сумеречный недовольно повел головой. Несмотря на кровь, сочащуюся по правой щеке, он весело затараторил:

- Да то и пытался! Послушай! Поговаривают, что есть одно сокровище, бесценное сокровище. Оно дает больше, чем все мировые клады, больше, чем власть над людьми. Сокровище называется: Алмаз Времени.

- Я знаю. Это лишь слухи.

Капитан был весьма неплохо осведомлен обо всех пиратских легендах. Не просто так он бороздил моря уже больше двадцати лет, а в детстве внимательно слушал все портовые слухи.

Рассказывали, что в начале творения, когда кипел мировой океан, Большое Дерево разбрасывало листья, чтобы потушить его и превратить огонь в воду. Некоторые листья упали в глубины и обратились в драгоценные камни, в которых затаилась невероятная сила. Но подобных артефактов никто не встречал. В отличие от «подарков асуров». Так что Сварт считал все выдумкой.

– Алмаз позволит вернуться в любой момент твоего прошлого, – упоенно говорил Эльф, но вздрогнул, когда лезвие разрезало его левую щеку.

Сварт недовольно хмыкнул:

– Такого алмаза не может существовать.

Капитан рассчитывал пытками вытянуть ответ о появлении пришельца и его истинной личности. Он беспощадно пнул пленника ногой в солнечное сплетение. Из рта Эльфа вылетели кровавые ошметки. Сварт не ведал, испытывает бессмертный боль или только делает вид. Мотая головой и пытаясь восстановить дыхание, Сумеречный Эльф прохрипел:

– Но ты ведь хочешь кое-что подлатать в прошлом?

– Хм... – сощурились глаза Сварта. – Это мое дело.

– Твое. Но я тут выгодно купил у одного торговца престранную карту. Не хочешь взглянуть? – Сумеречный пытался пошевелиться под гнетом цепей.

И Сварт вспомнил, что пленника не обыскивали. Неосмотрительно.

– Это подделка. Тебя обманули, идиот. Меня больше интересует, кто ты и откуда. Ты ведь наймит джиннов. Признайся! Зачем тебе лишние страдания?

– Правда, чтобы Алмаз заработал, к нему нужен часовой механизм. И находятся они в разных океанах. А я добыл еще более выгодно и вторую карту! – как будто не слышал возражений упрямый собеседник.

– Почему ты думаешь, что меня это заинтересует? Человек появляется посреди океана и предлагает сокровища. Кого ты пытаешься рассмешить? – недовольно отвернулся Сварт.

Заметив, что кровь Эльфа испачкала носок его сапога, капитан скривился, будто проглотил лимон. Затем пренебрежение сменилось злобой. Он снова ударил пленника ногой под грудину, за порчу одежды.

– Значит, ты уже не хочешь ничего изменить? – не сдавался и хрипел Сумеречный Эльф.

А затем вдруг вскочил, точно на пружине. Ни ран, ни цепей на нем не осталось, оковы пали и исчезли. Он небрежно расправил плечи, разминая шею и с удовольствием вдыхая морской воздух. Роль пленника наскучила ему, как старые обноски – маскирующемуся королю.

Сварт отпрянул, готовясь вновь сражаться, обнажая сабли. Команда немедленно выхватила оружие, рассыпавшись испуганной толпой за спиной предводителя. Они все оцепенели от столкновения с чем-то необъяснимым.

– Кто ты и почему оказался на моем корабле? – зашипел, как испуганный кот, Сварт.

Пришелец не собирался сражаться, ножны не появлялись у него за спиной. Он безмятежно развел руками, совершенно открытый для любого удара, и, задумчиво прикрывая глаза, ответил:

– Ты же мне не поверишь. Если я скажу, что мой корабль потерпел бедствие, и я ловко запрыгнул к вам на борт, ты не поверишь. Если я скажу, что я пришелец из другого мира, ты не поверишь. Если я расскажу, как мой мир Бенаам захватили асуры, ты просто ничего не поймешь. Пожалуй, ты больше поверишь, если я скажу, что я твоя шизофрения, и команда только притворяется, что видит меня. А мысли об Алмазе были в твоей голове сами по себе. Короче говоря, ты же ничему не поверишь.

– Верно. Надежнее тебя убить.

Сварт совершил стремительный бросок, две сабли единым лезвием пропороли сердце противника, разрывая внутренности. Но Сумеречный Эльф спокойно стоял, покачивая головой. Как будто сочувственно.

– Что поделать! Меня нельзя убить. Я сам порой не рад. Может быть, я действительно твоя шизофрения? И у меня две карты. А вы сбились с курса, – загадочно улыбался он, пока Сварт выбивался из сил в попытках уничтожить непостижимое существо.

– Ты считаешь, твои карты что-то значат для меня, жалкий клоун? – отпрянул Сварт. Снова на него накатил непривычный ужас перед непознанным.

– Нет, ну, ты сам подумай, дальше мне вас сбивать некуда, вы и так сбились! – откровенно смеялся Эльф.

А потом вдруг покорно подошел к мачте, прислонился к ней спиной, сполз вниз. И оказался снова весь в перекрестьях цепей и канатов, повергая капитана и команду в еще большее удивление. И снова на лице пленника появились раны от лезвий. Исчезли только смертельные отметины.

«Я схожу с ума, схожу с ума. Точно схожу с ума», – билась в голове Сварта единственная здравая мысль. Он настолько не поверил своим глазам, что снял разбитые очки и потер веки, уже считая, что ему все мерещится от бессонницы.

Но как мог померещиться бросок и удар? С сабель еще стекала кровь. Вроде бы стекала. Предположения Эльфа о том, что он только шизофрения, галлюцинация, уже не казались столь абсурдными, как сутки назад.

Сварт с трудом убедил себя, что допрос все-таки произошел в реальности. А вот внезапное освобождение – плод уставшего воображения. Признать, что собственный разум помутился, не хотелось. Да и команда не могла видеть один общий мираж на всех.

Сварт, недовольно цыкнув, ушел в свою каюту, проверив на всякий случай, не пропал ли старинный меч врага. Но тот оказался на месте, лежал на столе с бесполезными картами. Капитан немного успокоился, накидывая камзол на плечи и застывая в не слишком удобной позе возле иллюминатора.

Так прошла ночь, снова бессонная для капитана. Он редко отдыхал в последнее время. Его постоянно тревожил какой-то гул в голове, словно некий голос манил куда-то, звал во тьму. Этот зов заглушал даже привычный шепот соленого ветра.

– Мир Бенаам. Асуры... Бенаам. Алмаз Времени, – шептал некто в смутных видениях.

Сварт сбрасывал дремоту и больше не желал возвращаться в мир зыбких кошмаров, суть которых он никогда не помнил. В ночи зов ощущался сильнее, застывал тревогой и недовольством. Когда приходил голос, заснуть не удавалось до самого утра.

И Сварт продолжал думать и вспоминать, прокручивать сотни раз пленку своего поражения. Маиму-Длинноногий, лорд Вессон. Аманда Вессон... А что Аманда? Она сгинула в пожаре. О ней Сварт не вспоминал.

Он впадал в оцепенение, забывая, что совершенно не отдыхает. Да наплевать! Даже если такие ночи истрепали его душу, как буря – посеревший парус.

Под утро, едва забрезжил рассвет, капитан вышел на палубу. Пленник дремал, привязанный к мачте, несмотря на совершенно вывихнутые руки. Капитан торжествующе ухмыльнулся. Сощурившись, он поглядел на зеленеющий восток. Затем подошел к пленнику, приподнял его безвольно опущенную голову кончиком лезвия сабли.

Глаза Сумеречного Эльфа были туманны и почти бессмысленны, губы с запекшейся кровью потрескались от жажды и ветра. Сварт довольно ухмыльнулся, считая, что теперь получит достоверную информацию.

– Ты ответишь, гнида, кто ты, в конце концов?

Глава 5.

Крона Большого Дерева вновь затихла, сверкая исцеленной белой корой. Свитки замирали поднебесной прозрачностью, как стекла.

Жизнь – хрусталь и ключ, сияющий зеленым востоком на севере. И кто-то смыслами питался, а кто-то бродил в пустом саду среди трезвона сфер в

отделении от тел-книг-судеб. Смысл уходил дорогой цветов за страницы: бумага неверное пристанище. Смысл покидал свитки, когда в них случался хаос. И жизнь исходила пересохшими снами, звуча на одной ноте. Жизнь – остановка на долгом пути.

Так думали хранители и не дорожили людскими жизнями. Своими... Лишь иногда. Долг держал их сильнее, чем любовь к сыпучим дням. Только долг, и все ж... И все-таки, и все же... Росинка. Жизнь – росинка. Но росы многие – река.

Мастер Вейяча сидел на верхней ветке, там, где ярко светилась точка схода миров. Он больше не читал, только, сгорбившись, ждал. Грыз крупными клыками сочный гранат, и сок тек между пальцев, словно кровь.

Он знал, чем опасно похищение его свитка. Знал, но страх сочился где-то за пределами него. Он только туманно вспоминал, как будто не свое, не о себе: «Я давно уже безумен, хуже быть может, но не более чем... Я сражался со злом, они лишили меня рассудка. С тех пор я слышу голос Бенаама. С тех пор я скрываюсь от хранителей и не вступаю в битвы. Я... Могу сам стать асуром, падшим хранителем. Я больше не вижу сквозь жизнь, поэтому не ведаю, что они замышляют».

Гранат упал из разжатых пальцев, мякоть оставила на белой коре багряный след. Болезненно вздрогнули изумрудные крылья хранителя, который больше не желал называться своим древним именем. Мастер Вейяча – защитник второго месяца зимы.

Он многие века нес верно службу. Но однажды столкнулся с самим Хаосом, первым асуром. Гигантский древний Змей стремился выбраться из черной дыры, ставшей его темницей.

Все асуры тянулись к порталу, что открывал путь к сотням миров. Их снедал чудовищный голод. В день пришествия Змея разверзлось и потемнело небо, расступились звезды, не вошло солнце. Сияющие линии мира осыпались разорванными нитками. Против него пришлось выступить всем двенадцати хранителям. В живых остался только один, который загнал Змея обратно в ловушку черной дыры. Победитель. Мастер Вейяча.

И в той битве он потерял свое имя, получив незаживающие раны. Спустя столетия они затянулись, покрывшись коркой шрамов. Но где-то в глубине засели осколки ядовитых когтей, отравивших хранителя судеб.

Со временем на ветвях Большого Дерева созрели в гнездах новые коконы, из которых вылупилось следующее поколение драконов-хранителей. И они не знали, какой ужас довелось пережить последнему из первых. Где-то в глубине души он сам обратился в асура...

«Зло никогда не победит, – убеждал себя хранитель зимы и не верил. – Но лишь бы не настали времена, когда добро людей – несовершенство зла. Тогда все зыбко, все дозволено. Я снова должен шагнуть в пропасть».

Под сердцем смерзлся ком, как в день перед битвой с величайшим Змеем. В мире Бенаам ждало иное зло, второй древний асур. Вероятно, именно к нему попали украденные свитки. Но чего он хотел на этот раз? Знал ли о готовящемся нападении Сумеречный Эльф, этот бродяга, Страж Вселенной? Если знал, то не предупредил. А теперь и вовсе затерялся где-то в забытых морях. Мастер Вейяча все больше убеждался, что неудавшийся Страж Вселенной всегда ведет свою игру. Не означало ли это, что настало время действовать? Он и так несколько веков провел в библиотеке.

– Мастер Вейяча. Разрешите обратиться.

Дробно стрекоча крыльями, подлетел старший лейтенант Закуда. На нем красовался строгий костюм-тройка серого оттенка. Прямая линия – так представлялся весь он. Прямая осанка, прямой длинный нос, перпендикулярно – прямая черта сощуренных зеленых глаз, смотрящих всегда исключительно прямо. Закуда Мауден за свои тридцать восемь лет ни разу не отклонялся от правил библиотеки свитков.

Он всегда ощущал благоговейный трепет в присутствии древнего хранителя, особенно теперь, когда считал себя в высшей мере виновным из-за пропажи свитков. За свою жизнь Закуда осознал одно: он должен быть всегда и везде, чтобы ничто не дало трещину в мировом порядке. Но везде он не успевал. И от количества трещин был раздражителен и хмур, не зная радости. Желание совершенного порядка исключает радость. Мастер Вейяча давно забыл, каково это – радоваться.

Он отвлекся от поглощения фруктов, сгорбленный, усталый, словно птица, истомленная ожиданием полета. Медленно повернул голову, негромко спросил:

– Как продвигаются поиски?

Закуда выпрямился. Несмотря на внутренний трепет, он говорил спокойно, сдержанно:

– Сожалею, господин, но о вашем свитке ничего не известно. Наши сотрудники следят за состоянием рассудка Аманды Вессон, заметны ухудшения, очевидно, работа асуров. О книге пирата Сварта Иренга ничего не известно, предполагается, что его свиток необходим асурам для неких планов. Каких именно – невозможно выяснить. Может быть, убить его, чтобы служители тьмы не могли исказить его свиток? Так было бы проще.

– Исказить... куда уж дальше. А вот убить... Проще... – вздохнул хранитель зимы, но резко вскинул голову: – Старший лейтенант Закуда, как вы относитесь к младшему лейтенанту Янори?

Закуда был несколько сбит с толку:

– Он неплохой работник и боец. Только слишком много любезничает с девушками. И с феями, и с представительницами человеческой расы.

– Что бы вы почувствовали в случае его гибели? – пристально посмотрел на Закуду хранитель зимы.

Чутьем дракона он ощущал, как по спине старшего лейтенанта прошли волны холода и жара, точно от легкого разряда тока. Закуда ответил, подумав с полминуты:

– Видимо, огорчение и сожаление. Ведь он еще очень молод.

Хранитель зимы отвернулся и ответил с несвойственной ему резкостью и торопливостью:

– Так вот, старший лейтенант Закуда. Когда случилась атака на крону Дерева, мне было бы проще позволить Янори умереть и не допустить похищения книг. Я видел похитителей. Но я так не мог. Проще не всегда лучше, вы должны это понимать, старший лейтенант.

Закуда вытянулся, как солдат на параде, ничего не сказал, только кивком головы поклонился.

– Ступайте, – вновь берясь за фрукты, пространно повел рукой мастер Вейяча.

Говорил он уже мягко, успокаивающе, обычно он не таил обид. Его сердце отравляли когти великого асура. Но, казалось, взгляд его прозрел для большего, чем жизнь и смерть, чем вечность. Как будто все стало единым. Как будто Хаос научил его тому, что идеальный порядок – не всегда означает благо.

– Есть, господин, – выпрямился старший лейтенант и удалился, стрекоча сизо-зелеными крыльями.

– Ищите пока, ищите, – покачивал головой дракон, говоря сам с собой. Он плыл в вышине среди стеллажей, среди миллиардов судеб из всех миров: – Не волнуйтесь. Ничто не грозит тому, кто не поддается асурам в своей душе. Свиток не исчерпывает человека. У него всегда есть выбор.

Великий мастер Вейяча говорил верные вещи. Но всегда ли? Он много лет бездействовал.

В душе старшего лейтенанта Закуды образ идола внезапно пошатнулся, сомнения заползли в нее коварными змеями: «Что если великий хранитель зимы ошибается? Что если он перестал различать добро и зло? Он изранен, поэтому он и ушел в отставку... Что если теперь мы должны действовать по своему усмотрению, без его совета? Его свиток захвачен асурами. Не они ли говорят его устами? Не их ли идеи несет он нам, пока мы готовы слушать? Не в этом ли был план врагов?»

Закуда разбирал отчеты армии фей о поисках украденных свитков. Разведчики искали по всему миру, но ничего не находили. Ситуация усугублялась еще и тем, что после атаки служителей тьмы пропали все незакрытые порталы в Бенаам, мир асуров.

Сомнения не давали покоя старшему лейтенанту. Он бы желал избавиться от этих противоречий и ненавидел себя за такие мысли. Но они возникали все настойчивее, врываются в голову, как первая весенняя гроза в тишину цветущей природы.

Так прошел день. От отчетов у Закуды началась мигрень. Он старательно разложил все донесения на обширном столе, парящем между стеллажей. Ему не нравилось, что разведчикам нечего доложить драконам, которые обеспокоенно замерли на верхних ветвях. Феи еще никогда не подводили хранителей.

И Закуда не желал думать, что это по его вине. Ведь именно он обычно сражался вместе с младшим лейтенантом Янори. А в тот день мальчишка унесся слишком далеко, так далеко, что его спас от неминуемой гибели лишь великий мастер. И такой непоправимой ценой... Что если самого мастера уже не осталось?

Сомнения Закуды нарастали волной цунами, мешая обдумывать насущные поручения. И он злился.

Недовольство собой дошло до такого предела, что он решил перечитать «Свод Правил Хранителей», одним из составителей которого являлся как раз мастер Вейяча. Правила написал первое поколение драконов, героически погибшее в борьбе со Змеем Хаоса. Несмотря на древность писания, оно помогало решать многие проблемы вплоть до этих смутных дней. Закуда поднялся на верхние ветви, доложив хранителю лета о своих намерениях. Дракон пропустил его в обширное дупло, напомилавшее скорее пещеру. Там в полумраке сплетения корней и лиан хранился древнейший свиток библиотеки.

«Если я и найду что-то о возможном безумии хранителей, то только здесь. Что в таком случае делать феям? Имеем ли мы право вмешиваться? Но если не вмешаться, возможно, погибнет вся библиотека», – думал старший лейтенант. Всю ночь напролет Закуда листал пожелтевший папирус в синем свете люминесцентных грибов. Он выверял каждое предложение в «Своде» относительно похищенных свитков.

Закуда весь точно состоял из правил и запретов. И на рассвете он неожиданно для себя понял, что идол для него не настоящий живой мастер Вейяча, а тот древний, который много веков назад составлял «Свод». Осталось ли хоть что-то от великого блюстителя порядка теперь? Закуда не знал. И опасался своего незнания. Только папирус «Свода Правил» оставался для него последней надежной вещью в этом пошатнувшемся мире.

Утром он вышел из библиотеки, пугая всех черными синяками под глазами и до озлобленности решительным выражением осунувшегося лица. «Если он сам писал эти строки, – думал старший лейтенант, – то я ничего не нарушу, если последую им».

Корабль плавно несся в неизвестность. Без навигатора никто не мог сказать, куда именно. Судя по скорости, его подло схватило какое-то течение. Быстрое и незаметное, как змея в песке.

Созвездия становились все менее знакомыми, команда с ужасом смотрела на компас, надеясь хотя бы по нему восстановить курс. Но казалось, корабль затерялся в неизведанных морях. словно кто-то манил его, все дальше и дальше утягивая в пропасть.

Сварт не мог убедить себя, что курс потерян окончательно, поэтому яростно вымещал недовольство собой на пленнике. Сумеречный Эльф раздражал с каждым днем все больше, ведь никакое разумное объяснение не подходило к его появлению на корабле и странному поведению. Да еще к упрямому нежеланию подышать.

– Ты ответишь, кто ты, в конце концов? – приподнимал клинком голову пленника Сварт.

И так длилось уже три дня. Сумеречный Эльф улыбался ссохшимися губами. Измученно, но словно не от ран, пленник отвечал:

– Я один из тринадцати проклятых... последний... Страж Вселенной.

– Никогда о таких не слышал, – нахмурился капитан, недоверчиво поворачивая голову и вновь приподнимая лицо врага клинком, словно пытаюсь рассмотреть пленника со всех сторон, чтобы понять, по каким же признакам он принадлежит к этим мистическим проклятым. Такой пиратской легенды Сварт не знал.

– Тебе не стоит слышать о них. Исчезли они. Сгнули все. Они были очень сильны. Вот и все, что надлежит знать. Сильны... – лицо Сумеречного на миг стало задумчивым и невыразимо скорбным, взгляд устремился куда-то вдаль, через многие десятилетия. Потом он добавил: – И очень опрометчивы. Неудавшиеся стражи Вселенной...

– Зачем тебе на Ифритову Смерть? – спросил Сварт, плотнее поднося к горлу пленника саблю.

Об этом окутанном слухами островке он хотя бы что-то знал. Говорили, что лучше туда не соваться. Ифритовой Смертью он назывался, потому что в тех водах потонул не один корабль. Не спасались даже мощные пароходы джиннов.

– Мне? Это тебе! – снова превращался в шута Эльф, перебирая пальцами связанных рук. Как будто забывая о побоях и ранах, он весело вскидывал голову, точно танцуя всем телом, насколько позволяли туго притянутые к мачте запястья.

– Но предложил ты, падла! – ударил сильными ногами Сварт, настолько взбешенный непониманием происходившего, что не знал, на ком еще выместить гнев. На высоком лбу взбухла вена ярости, болезненно колотясь сквозь пожелтевшую кожу.

– Ну... Считай, что я генератор хороших идей. Доброжелатель, – прохрипел Сумеречный, продолжая дергаться в неподвижном танце.

– Не верю, – отвернулся Сварт, рассматривая горизонт, скрещивая руки. Вид собеседника казался уже невыносимым.

– И правильно! – подался вперед Эльф и снова скинул все канаты, вскакивая и начиная пританцовывать. Уже свободно, в высшей степени нагло.

Команда обнажила сабли, Сварт принял боевую стойку и прошипел, дрожа от ярости:

– Вот и убирайся с моего корабля.

Больше он не скрывал своей обескураженности. Все прочие бедствия меркли в сравнении с неожиданным «приобретением». Что хуже всего – после таких фокусов с освобождением от цепей Сварт начинал сомневаться в ясности своего рассудка. А настойчивый голос в голове, становившийся все громче с каждой ночью, заставлял делать неутешительные выводы. При всем отчаянии и при всей апатии Сварту не улыбалось закончить свои дни жалким сумасшедшим.

– Не хочу! – безумно вращая темными глазами, отвечал Сумеречный.

– Стальных клинков давно не пробовал? – угрожал капитан.

– Ну-ну, я мирное создание! – поднял руки Эльф и, приподняв указательный палец правой, милейше улыбнулся: – Я, может, хочу к тебе в старпомы наняться.

– Кто это тебя возьмет! – задохнулся от негодования собеседник, как и половина команды. Особенно, настоящий старпом. Он встряхнул сизыми космами и сочно выругался.

– Заткнись, Облезлый Сэм, – сквозь зубы шикнул на него Сварт.

– Ладно-ладно. Вторым старпомом! А назначишь меня ты! Кто здесь капитан, по-твоему? – ответил Эльф, пританцовывая и выделявая руками невообразимые фигуры.

– Вот именно, что я! Непревзойденный капитан Сварт! – давился возмущением собеседник, но вскоре нахмурился, хладнокровно выпрямился, поправляя очки, и высокомерно продолжил: – А ты кто, никто не знает.

– Ну, я-то знаю, – нарочито обижался Эльф, приподнимая черные брови.

– Ты идиот или прикидываешься? – скорчил гримасу презрения Сварт, пристально следя за каждым шагом противника. Его изобретательный рассудок считал клоунские движения частью какой-то секретной техники боя.

– А как на вид? Да что тебе, Сварт! У тебя и прошлый старпом был идиотом!

– Заткнись! – подал обиженный голос старпом.

– Тебе же нужно, чтобы кто-то оттенял тебя.

Негодование капитана не знало границ, оскал исказил лицо. Сумеречный Эльф тем временем изображал чайку и картинно махал руками, точно исполняя танец дождя. Да он просто издевался! И, что хуже всего, Сварт знал, что очередная атака саблями ничего не даст. Враг не нападал первым – уже хоть что-то. Поверить в то, что кто-то решил помочь ему, Сварт не мог. Сказали бы еще, что к ним спустился один из хранителей Большого Дерева! Абсурд.

Вскоре веселье Сумеречного Эльфа исчезло, испарилось дымом предрассветных миражей, точно слетела маска. Опустив руки, он подошел к капитану.

Пленник все приближался, а Сварт не желал делать и шага назад. Команда застыла, готовясь атаковать. И в тишине плескания волн лишь поскрипывали доски палубы.

Сварт не нападал, держал сабли наготове, выставив перед собой, оскалившись волком. А Сумеречный Эльф неторопливо подошел, совсем тихо, как бесшумная тень пропавшего на дне морском. Затем он резко подался вперед и намеренно насадил себя на сабли. Обжег непознанной кротостью взгляд загнанной лошади... Он сделал еще пару шагов навстречу.

Сварт пытался вырвать сабли, но бросить их не решался. А Эльф остановился настолько близко, что его алая кровь капля за каплей перекрашивала поверхность черных сапог капитана. Будто это существо знало, что Сварт ненавидит, когда кровь врага пачкает одежду или обувь. Атаковал он обычно молниеносно, алые брызги почти не задевали его. Но не в этот раз.

Сумеречный стоял, раскинув руки. Он проговорил тихо, но настойчиво, заставляя услышать:

– Я не злонамеренно пришел на твой корабль. Не надо пытаться меня убить или пленить. Это бесполезно. Возможно, я сам желаю смерти, но эта жизнь Стража бесконечна. Прими факт моего пребывания на этом корабле. Я пробуду здесь до вечера. Команда больше не пленит меня.

– Команда слушает меня! – взорвался от ярости Сварт, с перекошенным лицом вырывая наконец оружие и отскакивая на несколько метров.

– Не совсем... Их гипнотизирует страх. Они парализованы так же, как ты, – уже скептически отвечало существо, рассматривая задумчиво, как из свежей раны на груди сочится кровь. Но не жизнь с нею, не жизнь.

Сварт растерянно приказывал, срываясь, как захлебнувшийся лаем пес, чья цепь слишком коротка, чтоб остановить грабителя сознания:

– Команда! Треклятое отребье! Почему вы застыли?

Капитан ощутил ужас. Да, именно ужас: он встретил не просто врага, а нечто совершенно необъяснимое, слишком сильное. Но не сила выводила из себя, а нарушение всех логических законов. Парадокс.

Команда оставалась неподвижна, Сумеречный глядел на кровь, измаравшую серые доски палубы, наклонился, окуная в нее пальцы, рассматривая:

– Надо же... Откуда кровь у лишнего тела? Какая я удачная иллюзия. Так ведь? Иллюзия для борьбы с асурами. Тварь, с которой сотворили.

Небо кренилось тучами, тащилось за морским течением. Все тише становилось вокруг. Одинокие птицы не встречались в небе, исчезли и рыбы, что порой мелькали призрачностью иного мира под гладью воды. Тишина. Даже волны не тревожили звуками борта бригаантины. Паруса на фок-мачте безвольно обвисли. Лишь слегка колыхался грот-трисель. Вперед увлекал не ветер. Отнюдь не ветер.

– Иллюзия... – выдохнул едва слышно Сварт. Его безумие обретало голос и признавало свою нереальность.

А существовал ли корабль? В воцарившейся мертвенной тишине капитан уже не верил себе. Возможно, он сидел в темноте карцера. В камере обреченного на смерть.

Сумеречный Эльф встряхнул головой, и кровь исчезла с ладоней, с тела, с одежды. Изошла из раны, которая тоже пропала. Снова, опять!

– Мы можем просто поговорить? Я не прошу меч, я не буду нападать, – поднял он глаза: – Нам осталось всего два часа.

– Два часа до чего? – вздрогнул Сварт. Два часа до казни? Два часа до прозрения.

– Чтоб открылось окно, – ответил Сумеречный. – Я уйду. Обратно.

– Куда?

– Откуда пришел.

– Я разгадаю твой план! – злился на сложность загадки Сварт.

– Да. Когда-нибудь, очень скоро, – вздохнул Эльф и окинул взглядом команду. Медленно, печально. Как будто каждого заметил и разглядел. Что он в них нашел? Рабы! Подхалимы! Группа пропавших людей. Но пленник смотрел без ненависти.

– Люди... люди, – вздохнул Сумеречный Эльф. – Люди плавают в закате, как свечи. Застывают, как обломки января, как снежинки на ладони. Тают – новая заря. Новая свеча вспорхнула, полетела напролом. Души, души – только время. Время вечно о былом.

Небо кружилось над кораблем, заворачивалось кругом, неправильно и туго, задышалось ранним закатом. Темнело слишком быстро. Сварт это заметил, когда мгла скрыла полумесяц. А только ведь недавно настал рассвет!

Сварт нервно выставил сабли, сам не зная, для чего. Вена на лбу пульсировала, отдавалась сдавленной злобой в сердце. Но он заставил себя стать вновь спокойным, хоть все вокруг терзалось тревогой: и пришелец, и небо, и тишина моря.

– Что ж, если не больше двух часов. Я подожду, – согласился он.

Сумеречный оживился, но маска шута уже не прилипала к лицу. Он вновь окинул взглядом команду и, сгорбившись, охнул, обнимая себя руками, оседая на палубу, как будто тысячи копий вонзились в него. Знал он что-то. Что-то ужасное! Сварт в очередной раз представил карцер висельников. Зловонный каменный мешок без окон, куда сажали самых опасных преступников, которые потеряли счет своим жертвам. Карцер для таких, как он.

– Что за жалкая комедия! – небрежно фыркнул Сварт. – Делай что хочешь. Пока что. Я буду наблюдать за тобой. Не думай, что окажешься сильнее на этот раз, если попытаешься сразиться.

Сумеречный Эльф улыбнулся, загадочно, туманно. Тепло? Сварт уловил лишь снисхождение и оскорбление в такой ухмылке.

«Два часа, – думал он: – Если он не уйдет через два часа, я... Проклятье! Да что же мне делать через два часа?»

Сумеречный все рассматривал растерянную команду. Он вытянул руку, как будто пытался удержать кого-то на краю пропасти, но схватил только воздух. Вскоре он вздохнул и затих, запрокинув голову к небу.

Сварт наблюдал, пытаясь хоть что-то выудить из этих действий противника. Списывать все на то, что им попался псих, слишком просто. Психом объявляют, когда не хотят по-настоящему мыслить. Сварт надеялся постичь замысел пришельца.

Сумеречный устроился на свитых кантах, что раньше служили ему цепями. Сварт, приказав команде вернуться к своим делам, остался у борта, просматривая одновременно и палубу, и творящее за пределами корабля.

А творилось что-то неладное: вода мутнела и пенилась. Местами, за пределами течения, кружили водовороты и выплескивались пузыри от подземных вулканов.

Сварт подозревал, что корабль не выберется... Подозревал? Нет, уже почти знал. Знал с тех пор, как они потеряли курс и попали в это коварное течение.

Прощался ли он с жизнью? Нет, рассудок заставлял что-то придумать, не смиряться. Верил ли он в жизнь за гранью? Тоже нет. Но стойко принимал, что может и не выбраться. Еще не гасла последняя надежда обреченных. Уже такое случалось, когда не верилось в победу – как-то выбирались. Кто боится пропасть – не выходит в море. Кто боится жить – может и не жить.

Но теперь, в присутствии пришельца, острее обычного нахлынули дурные предчувствия: «Когда же удача покинула нас? В тот самый миг поражения. Да, когда Маиму-Длинноногий раскрыл заговор. В тот самый миг удача покинула нас. Он выпил ее! Ее можно выпить, впитать! Что за бред? Это все какая-то мистика! Но с тех пор ему везло, а нам нет! Наверное, так с каждым, кого он побеждал»

Пленник наблюдал. Они следили друг за другом, как звери перед прыжком. Напряжение нарастало, неожиданно Эльф, вскинув брови, спросил:

– Мы можем поговорить?

– Нет! – исступленно протирая очки, отрезал Сварт.

– Ты понимаешь, сколько зла ты совершил и хотел совершить? Ты уничтожил столько жизней, – игнорировал возражение собеседника Эльф, задумчиво продолжая: – Судьба человека – свиток, пустой папирус. Ее наполняют люди вокруг. И сам человек своими делами и мыслями. Но прерывать ее, вырывать страницы – это великий грех.

– Грех? Да что вы все со своим добром пристали? Ты видел хоть одно провозглашенное божество? – саркастически рассмеялся капитан.

Слова врага вплавлялись в невеселый ход его мыслей. Ведь сейчас, когда они сбились с курса, он снова не уповал ни на кого. Он понимал одно: не на кого. Он

полагался всегда только на себя. Но Сумеречный совершенно уверенно отвечал:

– Не видел, но слышал! Я знаю, что есть мир чистого бытия. И иногда удается в него прорваться, услышать его музыку. Стоит только один раз ее услышать – и нет покоя ни на суше, ни в море. А найти ее можно только в своей душе.

– Зачем я слушаю весь этот бред, – потряс головой Сварт.

Они снова замолчали. Эльф погрузился в свои мысли, пират – в свои. Корабль все набирал скорость, его подгонял теперь и ветер. Только не назвать попутным ветер для тех, у кого нет пути.

Сварт сдавил край борта. Он ощущал приближение чего-то, но не привык полагаться на интуицию. До этого он словно был ко всему равнодушен. А теперь, когда начинало происходить нечто опасное, он хотел выбраться. Но наваливалась нестерпимая сковывающая усталость.

– Неужели нет людей, которыми бы ты дорожил. Нет тех, кто дорожил бы тобой? – как из подземелья, раздался голос Сумеречного.

Сварт вздрогнул, отпуская край борта, бросая торопливо:

– Нет. Это помеха в осуществлении планов.

– «Помеха», – горько рассмеялся собеседник: – Мечта без друзей, эгоистическая мечта – мания.

– Каждый называет вещи по-своему. Я избрал свои координаты. В них нет места слезливой жалости и фальшивой дружбе, – говорил настойчиво и высокомерно Сварт.

– А как же твоя команда? – спрашивал Эльф, впрочем, ответ лежал на поверхности.

– Что команда, так, чернь... Тупоголовая чернь, стадо, – не скрывая, говорил при команде капитан.

– Видимо, ты сам набрал себе таких. Вот у Маиму сейчас не такие.

Вена на лбу Сварт снова взбухла от негодования. О! Как он ненавидел это имя! Оно раздавалось звоном в ушах, каждый день, каждую ночь, везде и повсюду.

– Не смей при нем упоминать обо мне! Проклятье! – Сварт с досадой поправил очки: – При мне о нем!

– Ты все еще не хочешь взглянуть на карты? – грустно проговорил Сумеречный и продолжил глухо: – Не собираешься сменить курс?

– Земля! Земля! – закричали с вершины фок-мачты.

– Какого змея морского я буду его менять! – оживился Сварт, захлебываясь воздухом. – Вот мы и достигли Пустых Островов!

– Какие мелкие ты цели ставишь перед собой, – тихо ответил Эльф, вздыхая, съезживаясь: – А ведь у человека должна быть одна, возможно, невыполнимая и заветная. Так что... Не меняешь курс? Впрочем... Поздно. Слишком поздно!

– Капитан! Это не Пустые Острова! – дрогнул в тот же миг голос с мачты.

Глава 6.

Сварт застыл, глядя на открывшийся вид. Вдали маячила, стремительно приближаясь, бурая гряда рифов и какой-то остров с узким проливом между двумя скалами. Течение продолжало нести корабль, навязывая свою неумолимую волю.

– Тебе знаком этот пролив? – обратился Сварт к пленнику, подозревая, что бессмертный располагает некой информацией.

– Я здесь раньше не бывал, – уклончиво ответил Сумеречный Эльф. Он чего-то ждал, сидел на канатах, скрестив пальцы рук.

«Менять курс? Течение слишком быстрое! Нас разобьет о скалы. Здесь целая гряда рифов. Не обойти. Придется через пролив», – судорожно оценивал капитан.

Скалы молчали, поглотив корабль, как горечь тоски. Деревянные борта укрыла плотная тень, течение и парус быстро несли в мрачную пещеру. Где-то на другой ее стороне маячил просвет. Вроде бы просвет. Добраться бы! Пахло затхлостью гниющих водорослей и, как безошибочно определяли убийцы, протухшей кровью.

Сварт цепенел, заставлял тело не мерзнуть, не дрожать ознобом. Но оболочка захотела жить. Телу всегда наплевать, смирился ли разум с неизбежностью смерти.

Вся команда притихла во тьме. Пираты тревожно перешептывались, озирались по сторонам и зажигали масляные лампы. Корабль пришел в незримое движение. Только Сумеречный Эльф сидел, уставившись на свои руки, отсчитывая секунды. Он просто ждал. И Сварта выводила из себя уверенность: пленник, эта навязчивая галлюцинация, знает, что ждет затерянную бригантину. Знает, что по ту сторону опасного пролива.

Скалы еще оставляли просвет темнеющего неба над головой. Когда так потемнело? Был восход! Восход.

Корабль не замедлялся, ветер завывал среди камней. Но уже казалось, что это не только ветер: доносился какой-то рык. Сварт настороженно озирался во тьме, стремясь уловить любое колебание воздуха. Он надеялся, что его навыки позволят уклониться.

Внезапно послышался хруст, с вышины посыпалась каменная крошка, кому-то на голову упал крупная глыба. Один пират затих на палубе с проломленным черепом, а старпом нелепо ойкнул, хватаясь за шишку. Вскоре Сварту пришлось

уклоняться от целого шквала мелких камней. Скалы задрожали, точно от землетрясения.

– Что происходит?! – встрепенулась команда, приправляя свой ужас ругательствами на разный лад.

Сварт ощутил, как сводит челюсть, взглянул на свои руки – они дрожали. Тогда он разозлился на себя еще больше, на свое тело. Тело, которое всегда было тоже скорее инструментом в играх рассудка, как и люди вокруг, и команда. Тело – инструмент для достижения планов. Сварт напомнил себе об этом, и пальцы перестали дрожать.

Но вокруг ничего не изменилось, скалы продолжали двигаться. На них не действовала сила убеждения. И теперь стало понятно – стены пещеры неумолимо продолжают ход навстречу друг другу. Все заглушал гул от блуждающего движения. Корабль угодил в западню, как муха на лепестки хищного болотного растения. А вдали пленительно маячил просвет.

– Что происходит? Капита-а-ан! Что происходит? – тянулась команда за ответами.

Они привыкли, что капитан умнее их. Капитан-то знает, он все продумал – так они всегда считали. Они как будто забыли, что все изменилось в проклятый день поражения.

Сварт молчал, реальность вплавлялась в сознание преувеличенно отчетливо и одновременно неразборчиво. От такой реальности у выживших остается воспоминанием какая-нибудь чепуха вроде крови врага на сапогах или каменной крошки на палубе. И ощущение ужаса. И ненависть к тем вещам, что сопровождали эту реальность. Таким, как сидящий на канатах пленник.

Сумеречный Эльф сцепил руки до белых отметин на костяшках, придвинув их ко лбу, лишь бы не смотреть. Он боялся за себя? Так лишь казалось несведущим. Сварт улавливал нечто иное.

Он не испытывал страха, как его обычно испытывают: разум оставался предельно ясным, дрожь не возвращалась. Но бесцельно замечалась каждая снасть, каждая трещина на деревянном настиле. Остро ощущалось движение

крови в собственном теле, в ушах гудел нестерпимый стук сердца. Даже казалось странным, как можно не сойти с ума от постоянного ощущения этого тела. И что останется в мире, когда его не станет? Как останется мир? Невозможно, чтобы он остался.

Ясность рассудка сцеплялась с полубредовыми ощущениями неотвратимого. Команда суетилась возле мачт. Паруса натянулись от поднявшегося пещерного ветра, скорость корабля развилась до предела. Ветер и течение гнали его через сдвигавшиеся скалы. Еще немного! Просвет! Вот уже вырвались, почти вырвались! Течение и знакомый соленый ветер хотели, чтобы они выбрались.

Сварт перешел на нос корабля. Обшивку бортов уже задевали скалы, замедляя ход, грозя снести мачты. Все больше манил сужавшийся лаз в конце этого туннеля ужаса. Казалось, совсем немного осталось. Совсем немного.

Слух прорезал хруст... Как же так? Ведь почти прорвались. Но непреложным аргументом раздался крик ломающегося дерева. Он доносился с кормы, которую сминали скалы, отрезая, захватывая, присваивая себе. Но корабль почти вырывался, его выносило волной. Скалы смыкались, как две тектонические плиты в начале творения мира.

– Нет! – пронесся единый вопль.

Время замерло, застыло. Но ничего не происходило. Бригантина оставалась на плаву. Корма щерилась развороченной обшивкой, но намного выше ватерлинии.

Скалы сомкнулись и замерли, отрезая дорогу назад, да и течение не оставляло выбора. А пещера все не заканчивалась.

Корабль вынесло дальше в темный пролив. Корабль? Ни носовой фигуры, ни кормы. Жалкий обрубок прошлого, воплощение страданий и бесцельности. Только истрепанный флаг на мачте напоминал о былом величии. Сварт раньше почти не замечал, во что превратился его корабль.

Когда-то он очень любил свою бригантину – носовую часть с изогнутой фигурой, флаг на мачте, нарисованный собственной рукой и бережно обновляемый каждый год... Когда-то, очень давно, а потом возненавидел. Теперь еще больше. Пират только хотел остаться живым любой ценой.

Ветер выл среди скал, команда считала, что уж все миновало. Но Сварт напряженно вслушивался в звуки пещерного вихря. Что-то еще таили эти камни – не скрежет обвалов, не вой порывов. И все отчетливее проступал запах крови и тухлятины.

– Капитан! – послышался голос матроса, вновь залезшего на фок-мачту: – Впереди водоворот! Гигантский!

– Харибда, – впервые за долгое время подал голос Сумеречный Эльф, безысходно сцепляя руки.

Кто-то захлебнулся кашлем до тошноты, кто-то в громко завыл, проклиная свою беспутную судьбу. Команда пыталась найти выход из узкого пролива, но повсюду маячили только серые скалы. И на небе не просматривалось ничего, кроме мглы, как от сотен вулканов. Ни звезд, ни полумесяца.

«Удача покинула нас. Ее похитил Маиму-Длинноногий», – только мелькнула мысль в голове Сварта.

– Водоворот исчез! – вдруг воплощением надежды воскликнул матрос на мачте: – Исчез! Скорее!

Команда засуетилась, старпом отдавал бесконечные команды. Казалось, если поусерднее суетиться, то минует опасность. Но с исчезновением водоворота течение словно иссякло, ветер пропал, и ход корабля ощутимо замедлился. Точно этот водоворот и создавал все это время столь бурное движение воды, притяжение.

До выхода из пролива оставалось не меньше семи кабельтовых. Ветер едва-едва ударялся в измученные паруса, даже изображение на флаге сбилась, сузилось. Сабли превратились в жалкие ножички. Корабль замирал посреди пещеры, сгущалась липкая тишь неподвижности.

Но внезапно вновь образовалось течение, всколыхнув мелкие волны, которые сперва отбросили назад. А потом стремительно потащили вперед, к желанному выходу.

На палубе все обрадовались шумным ликованием. Все, кроме Сварта и Сумеречного Эльфа, оба уже поняли страшную закономерность. И только мимолетно переглянулись.

- Капитан! Там снова водоворот! – ухнул голос команды, не удивив их предводителя, впавшего в мрачное созерцание пугающих природных явлений.

Сварт стоял на носу с опущенной головой, вслушивался. Он чувствовал, что скоро произойдет нечто еще более ужасное, чем разверзшийся водоворот. Бедствия никогда не случаются поодиночке, неудачи всегда идут чередой. За все когда-то приходится платить. Впрочем, закон о плате он не понимал... Он стоял на носу с опущенной саблей в правой руке и сжатой в кулак левой.

- Капитан! Скажите что-нибудь! Капитан! Что нам делать? – молили пираты, натываясь на непроницаемый кокон гнетущего молчания.

- Ему наплевать на нас! – слышался чей-то грубый голос.

Небритый матрос с выбитым глазом обнажил клинок, готовясь убить капитана. Да разве кто-то мог сравниться с ним! Но матросу было все равно.

Тогда капитан обернулся. Лицо его было искажено гримасой улыбки. Такой улыбки команда еще не видела, даже когда они брали на abordаж пароходы джиннов, вырезая всех на борту. Даже когда грабили прибрежные деревни, подчистую сжигая дома бедняков. Даже когда врывались в поместья аристократов, где капитан с особым наслаждением уничтожал хозяев.

Сварт обнажил саблю и мгновенно оказался за спиной неповоротливого матроса. Приставив лезвие к горлу мятежного пирата, предупредил:

- Поднимете бунт, я уничтожу каждого из вас за пару секунд!

Но угрозы больше не действовали, матрос только грубо крикнул, взмахивая саблей:

- Какая разница? Мы все умрем здесь!

И в тот же миг Сварт почувствовал колебания воздуха. Он успел отскочить, отточенные рефлексy ему позволили, а вот мятежному матросу – нет. Нечто из темноты схватило несчастного, нечто страшное, кишащее клыками в отвратительной пасти.

– Сцилла, – Сумеречный Эльф закрыл лицо руками. – До чего ж я бесполезен! Не имею права вмешиваться! Ни в одну из этих прописанных до конца судеб, ни в один из свитков с вырванными страницами. Двадцать пять жестоких свитков, поврежденные асурами...

Команда уже не кричала от ужаса, только слышались глухие стоны:

– Что? Что это?..

Затем на пиратов обрушилось целых шесть страшных пастей, голов дракона. Хотя чудовище напоминало скорее огромного червя, грязно-бурое, со сморщенной кожей, без чешуи. Слепое, разящее из мрака.

Сварт уклонялся, пытался достать монстра саблями. По скорости они могли сравниться друг с другом, да и по жестокости.

Еще двое матросов не избежали страшной участи, оставляя лишь бурые пятна крови на палубе. Они не догадывались, когда выходили в море, что оно таит такие опасности. Они не боялись когда-то, потому что не хватало фантазии вообразить подобное зло.

– Водоворот замедляется! – крикнул матрос с фок-мачты, но голос его оборвался под страшными ударами Сциллы.

Чудовище утащило его во мрак, откуда только донесся слабеющий истошный крик.

Снова слышался треск. Флаг взметнулся вместе с обломком древесины, развернулся на миг и вновь сохся жалкими ножичками, упав с легким плеском на волны. Покачался с минуту и ушел в глубину. Истертая, выпитая ветром краска растеклась, отчего оскаль стал казаться улыбкой. Вскоре исчез и он, растворился в соленой воде последний отличительный знак капитана Две

Красные Руки.

Но Сварт не мирился с судьбой и не верил в дурные знамения. Он уже успел понять, что представляет собой водоворот, он и раньше замечал, что течение произвольно то ускоряется, то замедляется. Теперь понял, с какой периодичностью. И придумал план, беспощадный, но, казалось, единственно возможный план.

– Слушайте все меня! Чудовище за раз хватает только шесть человек! Кто-то должен стать его жертвами, чтобы спаслись все! – уклоняясь от посягательств голов Сциллы, приказал, наконец, капитан.

Команда, истосковавшаяся по приказам, исполняла... Быстро и беспощадно, ведь их подгонял ужас неминуемой гибели.

– Я не хочу... нет... – слышались задушенные крики. – Нет!

Шестерых замешкавшихся нерасторопных матросов повалили несколько наиболее беспощадных и сильных пиратов. Не прошло и минуты, как слабаков связали и потащили к левому борту, откуда совершались нападения монстра.

Долго ждать не пришлось: Харибда немедленно поглотила их шестью головами, утащив за борт. Сначала донесся всплеск, потом истошные вопли, визг, как на бойне. Затем все стихло и сгустилось глухим рычанием, звуками жадного пиршества.

Сумеречный Эльф вздрагивал и явно сдерживал крик, точно его избивали кнутами, еще плотнее сцепляя руки. Недвижимым изваянием он застыл на сплетениях канатов, и вокруг него сгущалась пугающая темная аура. Никто не посмел к нему приблизиться.

Когда возгласы чужой боли стихли, бессмертный обмяк и погрузился в апатичное созерцание поломанной мачты да суматошных движений оставшейся команды.

«У нас еще есть время, немного времени. Да, сейчас треклятый водоворот сомкнется», – лихорадочно убеждал себя Сварт. Как полоумный, он вглядывался

вдаль, словно надеясь загипнотизировать стихию, и одновременно прислушивался, продолжается ли пиршество Сциллы. Кажется, жертв хватило каждой ее голове.

А ведь это все были люди, пропащие, но люди. Впрочем, капитана это не интересовало. К тому же водоворот начал неумолимо смыкаться, как он и ожидал.

– Полный вперед! – едва заметив это, воскликнул Сварт.

Команда попыталась расставить прямые и косые паруса так, чтобы поймать малейшие воздушные потоки. Корабль наконец ускорился.

Сцилла уже вновь рычала, выдвигаясь из мрака пещеры, снова дернулась одна из ее голов. Тогда Сварт со всей своей яростью извернулся и взмахнул наотмашь обеими саблями. Возле его лица щелкнули гигантские челюсти, но слепой монстр промахнулся. Сцилла взвыла, одна из ее мерзких голов, подняв фонтан брызг, упала в воду, окрасив борт корабля черной тухлой кровью. Сварт с наслаждением поглядел на круги среди бурлящих волн. Тварь убралась во мрак.

Корабль набирал скорость, шел, изуродованный и почти опустошенный, но шел. Никто не думал, что же дальше, никто не думал, что, возможно, суждено долго и мучительно умирать от жажды в неизведанных морях.

Казалось, если только вырваться из этого ада, настанет спасение на всю жизнь. Так кажется всегда, да не всегда выходит. Но вопрос стоял острее – выбраться!

Пещеру Сциллы они миновали, но Сумеречный Эльф по-прежнему сдавливал побелевшие костяшки пальцев, прислоняя их ко лбу. Сварт уже не обращал на него внимания, хотя весь вид пришельца предрекал новую беду.

Корабль несся все стремительнее, все больше заветной надежды зажигалось в глазах и сердцах уцелевших, а об отданных на растерзание уже позабыли. Каждый думал о себе.

– Корабль мой – дощатый саван из рос. На закланье иных стрекоз растянут, – отвлекал неведанной песней Сумеречный.

Он ждал неизбежного, совершившегося совсем рядом с ним. Неужели он не боялся сгнуться вместе с бригантиной? Похоже, не боялся. И Сварт все больше сомневался в реальности пришельца. Что если к ним явился призрак океана? Тот, что посещает гибнущие корабли. Лучше не думать, не предполагать. Для них пока оставалась только колючая беспощадная реальность.

В проливе возле водоворота носилось много обломков, и темнота не позволяла видеть, какого цвета скалы у пещеры Сциллы. Только каждый чувствовал без лишних взглядов. И каждый рвался к свободе любой ценой, каждый хотел жить, несмотря на жизни других.

Много кораблей поглотили скалы, многих чудовища перемололи в страшном зеве. Водоворот начинал медленно вновь открываться, корабль шел прямо по центру пролива, но сносило к краю, к рифам. Уже оставалось меньше двух кабельтовых до полной свободы.

– Харибда поглощает воду, а затем снова выбрасывает... Хтоническое чудовище, – пленник тяжело вздохнул, тоскливо глядя на всех сразу и на каждого в отдельности. Капитан не придавал значения словам.

Команда, затаив дыхание, молча умоляла ветер, чтобы нес вперед, чтобы не предавал. Сварт, стоя на носу, жадно всматривался в маячивший на горизонте месяц – долго же они преодолевали пролив, долго, ночь уже смыкалась. Кровавым заревом растекался ранний закат.

Бригантина шла по середине успокоившегося водоворота. Вода вокруг кишела измельченными обломками, темная, почти черная. Тягучий мрак глубины уже колебался беспорядком завихрений. Они поднимались все выше, все стремительнее, вновь появлялись хаотичные течения.

«Еще немного! Быстрее!» – забывая о рациональности, шептал нестройные заклинания капитан. Они преодолели три четверти пути к свободе, осталась последняя. Меньше кабельтовой, меньше – и вот!

Вырвались! Выбрались из тесного плена скал. Свобода!

Водоворот с хлопотом разверзся, но не получил своей добычи. Корабль неся дальше, все дальше от рокового пролива.

Команда единогласно скандировала:

- Слава капитану Сварту! Слава капитану!

Сварт с самодовольным видом стоял на носу. Он вновь стал олицетворением высокомерия. Его самомнение резко восстановилось, ведь это он придумал гениальный план с жертвоприношением Сцилле и заметил периодичность водоворота. Только благодаря ему они снова выбрались. Он победил!

На корабле остались самые жестокие, самые выносливые, самые беспощадные. Так и надо, таких он всегда и набирал в команду. И никто из этих головорезов не сожалел о тех слабаках, которых они оставили на съедение, никто не вспоминал о них. Они привыкли выживать любой ценой. И радовались победе. Но...

Сумеречный Эльф по-прежнему сидел, сцепив руки.

- Два часа прошло, - обратил на него внимание самодовольный капитан: - Убирайся с моего корабля!

Пленник поднял глаза, смерил капитана презрительным взглядом, но отвращение сменилось олицетворением паники, ужаса. Он еще раз посмотрел на остатки команды - и все отчего-то притихли.

Сварт ощущал, как что-то неприятно схватывает холодом нервов желудок, предвещая продолжение испытаний. Капитан отогнал эти мысли.

Уже довольно далеко позади снова сомкнулись круги водоворота и затихли. Смертоносные скалы оставались дурным воспоминанием, все дальше шла бригантина.

- Идешь, корабль, как по нити. Жизнь - чаша над пропастью, что на нити подвешена: в равновесии не переливается. А как перельется - разьет жгучим вином хрупкую нить. Да вниз, - пробормотал бессмысленно Сумеречный Эльф.

Сварт даже усмехнулся: их переполняла жизнь. Теперь, в этот самый миг ликования. А он-то твердил о пропасти. Глупец.

На горизонте маячил месяц, но не освещал путь, а укреплял злобу, которая велела бороться и жить. Сварт все еще стоял на носу и ждал чего-то. Чего? Они выбрались, но змеи предчувствий мешали обдумывать дальнейшие планы. Ветер обжигал впалые щеки. Он все усиливался, и тогда Сварт вздрогнул – порывы неслись навстречу кораблю.

Они уже не успевали развернуть паруса, чтобы уйти, поймать другие потоки. И борта истерзанного корабля снова окутывало какое-то течение. Только несло оно в обратную сторону, к чудовищам. Против потока без попутного ветра не пройти, нереально. Все усилия команды оказались напрасны, Сварту оставалось лишь наблюдать с возвышения за тщетными стараниями обреченных.

Набегали встречные волны, разрываясь о нос корабля, все крупней, все настойчивей. Наконец поднялась последняя, самая высокая, нырнула под корабль, вознесла его на свою вершину и стремительно понесла обратно. К водовороту. В западню!

Глава 7.

Команда снова ждала приказов капитана, хаотично носясь по палубе. Но что он, человек, мог сделать с морской стихией? Свобода! Свобода... Где? Как же так! Они ведь только вырвались!

Волна несла их обратно к роковым скалам, а там клубился и завывал водоворот. Матросы дергали канаты, направляя паруса. Но попутный ветер иссяк, переметнулся на сторону чудовищ. Все оборачивалось против них, как будто оставленные Сцилле мертвецы тянули обратно бросивший их корабль.

«Удача оставила нас», – в очередной раз осознал Сварт. Холодея, он смотрел, как приближается водоворот. Больше мысли не слушались его, как и оцепеневшее тело.

Полумесяц уносился все дальше. Снова корабль возвращался во мглу ущелья, откуда долетал голодный и жуткой рев Сциллы, но их ждала жадная пасть Харибды. Этого безмолвного монстра, рычащего голосом самого океана.

И вот корабль опустился на край водоворота, а потом резко накренился, лег на левый борт. Сварт удержал равновесие, а кое-кто из команды уже полетел в пропасть, из которой скалилась Харибда морской пучиной. Они долго смотрели в бездну, теперь бездна взглянула на них и поглотила. Тела обливались холодным потом, и, вероятно, никто не мог вообразить мир без себя. И неумолимо один за другим команда летела во мрак.

Сварт не сдавался. Он балансировал на обломках поглощаемого водоворотом корабля. Когда палуба треснула и накренилась, он стремительно полез на мачту. А там, на самой вершине, оттолкнулся от обломка, что раньше гордо носил флаг. И прыгнул.

Корабля больше не существовало, под подошвами сапог сквозил соленый ветер. Верный спутник и великий обманщик. Решил ли он на этот спасти или уничтожить? Рывок вперед заставлял пройти по зыбкой грани, по нити, на которой балансировала чаша жизни.

Бросок был стремительным, вскоре капитан ощутил удар о скалы, отозвавшийся болью под ребрами – достиг цели! Вцепился в каменные выступы, врезался саблями. Один клинок сломался, второй помог удержаться. Но скалы содрогались и осыпались, Сварт через плечо рассматривал, как гибнет его корабль, как водоворот поглощает команду. Бригантины капитана Две Красные Руки больше не существовало.

Ветер доносил истошные вопли ужаса и отчаяния, но они тонули в реве стихии. Обмелел воздух, впивался в легкие пылью, оседал на узких губах привкусом заслуженной расплаты.

Пираты умирали один за другим в жадной пасти океана. Все понимали, что погибнут, что никто не спасет их, но давили друг друга, лезли наверх, пока корабль сминало, как щепку. Харибда жадно ломала его деревянные ребра, вырывая обшивку, выбрасывая пушки и ядра, перемешивала неживое с живым.

Вскоре остались только мертвые, сгинувшие в пустоте глубинного мрака. Харибда поглотила всех. И корабль. И команду. Уцелел только капитан, притаченный саблями к скалам.

Водоворот все еще кружился, перемалывая останки корабля, вода поменяла цвет, как будто тысячи красных огней зажглись в ее безумстве. Всего на миг, вскоре о команде не осталось даже воспоминаний. Только обломки корабля, только порванный парус, всплывший на поверхность, когда водоворот успокоился, застыв коварной ловушкой.

Сварт приник к скале, вращая в нее, как в единственное спасенье. Внезапно кто-то дернул его за ногу: последний из членов команды, неизвестно как повторивший прыжок капитана, цеплялся за его лодыжку и лез наверх, грозя увлечь обоих вниз. Сварт отчаянно пытался стряхнуть пирата, но тот не сдавался до последнего. Он с ненавистью выгибал сильную руку, пока пират только бессильно повторял:

– Капитан! Капитан! Не бросай! Не бросай!

И голос его резал барабанные перепонки, резонируя с гулом водоворота, лижущего подножья скал. Сварт пытался пронзить матроса клинком, но не удавалось. Пальцы и ноги соскальзывали с камней.

Борьба продлилась недолго, пират упал сам. Но будто прощальной мезтью неверному капитану, вцепился в саблю, унося заветное оружие в бездну. Он полетел в пасть чудовища и в своем падении все еще смотрел на капитана, который с болью провожал взглядом верный клинок.

Он помнил, как осваивал технику владения двумя саблями, еще в Круне, как подбирал их, оттачивал. И сожалел об оружии, а не о человеке...

Только Сумеречный Эльф с искаженным лицом наблюдал, как водоворот поглощает людей. Эльф? Этот безумец! Пленник? Призрак? Не возникло ни единой мысли, как он спасся. Не до того.

Он висел чуть выше, держась за толстый шершавый корень, вросший в выступ скалы.

Сварт цеплялся за камни, но те вероломно крошились. А водоворот вновь бушевал. По спине проходил холод, казалось, глаза недостаточно четко видят сквозь сползшие стекла разбитых очков. Вряд ли когда-то он ощущал большую панику. Обычно все решали хитрость и сила, но теперь – судьба, удача. С последней он давно попрощался. Все существо проигравшего капитана обуяла паника. Не страх, а именно паника, когда ни одно движение не является верным, сколько бы воли к жизни ни обреталось.

Команду поглотила Харибда. Зло поглотило зло. Жизни, наполненные жестокостью, закончились зверской расправой. Остался последний, самый беспощадный из них.

Но вот кусок скалы откололся, сорвался и капитан. Внизу ждала Харибда. Как же так? Весь мир рушился в тот миг. Его охватил безотчетный невыразимый ужас, небо почернело. Сердце сжалось невероятным холодом. Конец? Вот такой?

Мир без себя не представить, не вообразить. А миру все равно. Не так страшна смерть, как ее ожидание, ожидание боли. Только боль реальна. За краткий миг Сварт успел представить, как его тело изломает водоворот. Хотя нет, не успел, ничего не успел. Только реальность прорезала небо тысячами искр разбитого стекла.

Камзол с золотыми позументами унесся в пропасть, как и все: сабли, корабль, команда – вся прошлая жизнь. Однажды он уже хотел выбросить ее. Он привык слишком легко выбрасывать людей и воспоминания, как ненужный хлам, теперь жизнь выбросила его. Он летел в бездну. Миг. Миг растянулся в вечность.

Вдруг ощутил рывок, болезненно вытягивающий сухожилия правого плеча. Сварт поглядел вверх.

Его руку поймал Сумеречный Эльф. Крепко сдавил запястье, держась за спасительный корень в скале. Смотрел хмуро, осуждающе. И тогда Сварт понял, что если этот человек, пленник, враг, спаситель... не захочет больше держать долговязую ношу, то он, пропащий капитан, со всеми его мыслями и обидами, он как личность, как злоба, как боль – перестанет существовать. Совсем. Он смотрел вверх вылезавшими из орбит глазами, а Сумеречный Эльф, сжав зубы упрямо держал.

Нежданный спаситель резко дернул вперед, прибив к скале, позволяя Сварту схватиться за более надежный выступ. И они молча полезли наверх.

Потерпевшие крушение выбрались, распластываясь пауками по камням, сдирая кожу рук, сбивая подошвы сапог. Они стремились наверх, на скалы, откуда виделся горизонт.

Сварт подтянулся, резко выгнув спину, не ощущая запыленных ссадин по всему телу. Он выбрался, упал навзничь, запрокинув голову к небу, жадно хватая терпкий воздух. Отчего-то на небе не просматривалось ни звезд, ни месяца. Вокруг царил день, солнце только клонилось к вечеру, как будто выжившие попали в иной мир.

Сумеречный Эльф молча сидел у края пропасти и смотрел вниз, в бездну водоворота. Так сколько же времени минуло? Вечность. Вечность они взбирались наверх, оставляя с каждым рывком позади прежнюю жизнь.

Сварт перевел дыхание, страх смерти испарялся пониманием, что удача не отвернулась до конца, хотя... Он оказался посреди неизвестного опасного моря в компании единственного уцелевшего создания. Очевидно, врага.

Он подошел к краю и глянул вниз: вокруг водоворота, дробясь о камни, копошились обломки. Смешивались воедино следы прошлых кораблекрушений. Сварт бессильно выругался:

- Проклятье! Теперь у меня нет ничего! Ни сабеля, ни корабля, ни этой треклятой команды! Ничего!

- Это все были люди, Сварт. Это все были люди, - скорбной эпитафией прозвучал голос Сумеречного.

– Люди, и что с того? Скольких людей я сам убил. Еще бы этих ни жалел, – махнул рукой капитан утонувшей бригантины, оглядывая местность, куда они попали: камни, голые камни да редкие деревца.

– Я тоже... Убивал. Много. Когда я темный, – отрывисто начал рассказывать Сумеречный Эльф: – Я всегда убиваю только обреченных. Когда я знаю судьбу человека от начала до конца, я не имею права в нее вмешиваться. Только в качестве финального часа, иногда... Это проклятое раздвоение личности.

– Тогда какого Змея ты лез в мою судьбу? – нашел, кого обвинить, Сварт. – Ведь это из-за тебя мы здесь оказались!

– Нет, вы сами выбрали этот курс, – спокойно ответил Сумеречный. – Я знал, что не имею права мешать.

– Что бы случилось, если бы помешал? – немного заинтересовался Сварт.

– Мир слетел бы с оси, – ответил Эльф, раскидывая потерянно руки, на искаженном лице запечатлелась невозможная горечь. – Начался бы распад материи, люди стали бы превращаться невесть во что... Моя сила слишком велика, но я не имею права вмешиваться в основания мира, что создан не мной. Таков порядок бытия.

– Тогда меня зачем вытащил? – с издевкой бросил Сварт охрипшим голосом.

– Ты не рад этому? – удивился Эльф, подходя к невольному спутнику, рассматривавшему неровное плато над страшным проливом.

– Может, и рад, – обиженно нахмурился Сварт, понимая, как нелепо прозвучали его слова, и отошел от врага на несколько шагов, снисходительно указал на него пальцем: – Но не думай, что я стал больше тебе доверять. Кто ты вообще такой? Почему не можешь ответить?

– Считаю меня своим персональным ангелом-хранителем, – улыбнулся Эльф, добавляя: – Я не знаю твоей судьбы, это дает мне право вмешиваться в нее.

– Скорее, ты ангел-вредитель, – пробормотал капитан. Он точно не знал, кто такие ангелы. Наверное, спутник имел в виду неких духов.

– Я никогда не жду благодарности, – рассмеялся Сумеречный, но вновь лицо его застыло грустью, вновь он обернулся на звук kloкочущего водоворота: – Ты не слышишь. Их голоса еще не покинули линии мира... Твои головорезы. И все же люди. И спасения им не будет. Ох... Надо выбирать.

Сварт в ответ промолчал, хмурясь. Он словно не радовался своему чудесному спасению, принимая как должное, точно он уникальный. Правда, теперь уникальность не давала подсказок, как выбирать без корабля.

– Ой! Смотри-ка, тут же инжир! Смоковница! Повсюду! За него я и держался, видимо.

Настроение Сумеречного резко переменялось, точно он опять надел маску шута. Он кинул несколько крупных фиолетовых плодов. Сварт, не оборачиваясь, ловко поймал их и не выбросил. Алая мякоть была сочной и казалась величайшим благом на свете, но он бы никогда не признал этого.

Инжир... В поместье лорда Вессона его подавали к сыру с голубой плесенью. Обычно на приемах. И непременно открывали бутылку лучшего «винтажного» вина для особых гостей.

Сварт помнил, как лично заказывал инжир и просчитывал расходы. Отмечали чаще всего заключение важных сделок. Сварт искренне радовался вместе с хозяином имения. Согривала мысль, что в скором времени все богатства лорда перейдут ему. Чем выше Сварт поднимался по карьерной лестнице, тем больше росло к нему доверие. Осталось лишь получить несколько подписей и подделать нужные документы, а потом устроить смерть Вессона.

«Сделай то, принеси это, – думал Сварт. – Как же нравилось ему командовать, ничего не понимая в экономике. А потом еще эта девчонка. После его смерти стала совершенно невыносимой. Забавно... Инжир был ее любимым лакомством».

Сварт никогда не думал об Аманде Вессон, пропавшей дочери покойного лорда. Миниатюрная блондинка в дорогих платьях и немислимых шляпках всегда маячила ненужной помехой. Как назойливая муха или, скорее, яркая

тропическая бабочка.

Она тратила не меньше отца, но намного меньше смеялась. Это единственное, что в ней не раздражало.

Взгляд ее синих глаз оставался всегда каким-то не аристократически диким, походка – слишком упругой и решительной для дамы, чья жизнь состояла из праздного безделья. Порой Сварт ловил себя на мысли, что сок инжира, раздавленного в тонких пальчиках, сочится по белым перчаткам, как кровь. И только теперь, здесь, на необитаемом острове, его удивило забытое наблюдение: Аманда часто смотрела на него, внимательно, с неразгаданной яростью.

«Заносчивая девчонка. Не она ли натравила на меня Маиму-Длинного? Но если она знала, что я на самом деле пират, то могла бы просто сказать отцу, – вспоминал Сварт. – Нет, это все была ее игра, блажь аристократки. Ничего она не знала. Считала, что я верный подхалим. Думала, что буду исполнять любые ее капризы. «Добудь мне револьверы джиннов, добудь»... Как же, будто умела с ними обращаться. В двадцать пять лет могла бы быть и поумнее. Какая ирония: пожар случился накануне ее дня рождения».

Сварт злорадно ухмыльнулся. О благородной Аманде Вессон ходили странные слухи. Кто-то утверждал, что поместье лорда погибло в огне по ее вине. Сварта не интересовали глупые домыслы. Главное, что проклятая девчонка исчезла. Вероятно, сгинула под обломками рухнувшей крыши.

Впрочем, теперь уже ничто не имело значения. На необитаемом острове все воспоминания казались далекими и чуждыми. Только инжир непостижимо связывал с прошлым.

– Кажется, больше тут ничего нет... Надо плот сделать! – тараторил Сумеречный Эльф. – Эй! Ты куда?

Сварт встал, потирая ушибы, и пошел вдоль пустынных скал. Сумеречный плелся сзади. Капитан со своими длинными сильными ногами быстро преодолевал плато и вскоре дошел до конца гряды. Как и предполагалось, водоворот стерег только выход из пролива. А дальше, сколько хватало глаз, море взъерошивалось уродливыми рифами, словно старым частоколом.

– Ух, загонял, – догнал капитана Эльф.

Вряд ли он ощущал усталость. Сварт же совершенно измучился, дикий инжир плохо утолял жажду, по вискам катился холодный пот. Отдыха же не предвиделось. Здесь отдых означал смерть.

Тусклым безразличным взглядом Сварт рассматривал волны у подножья, сдавливал в руках плод смоковницы.

– Плот? – невесело отозвался он, насмешливо добавив: – И куда идти?

– Ты забыл! – слегка поклонился Эльф: – Я теперь нанялся к тебе ангелом-хранителем-вредителем. Я знаю курс! Ближайшие острова...

– Так перенеси туда! – раздавил в клочья инжир собеседник.

– Капитан! – обиделся Эльф: – Ну, я не джинн, чтобы по первому зову нести кого-то куда-то. Да и они тоже у вас так не умеют. Не исполняют желаний, понимаете ли.

– Вредитель ты, – ответил сдержанно Сварт, но тут же взбесился: – Что за хитрый план такой! Зачем я тебе нужен? Как пират я считаюсь мертвым! Властям меня не сдать! Я тень, меня нет!

– Меня тоже. Плана нет, сплошная импровизация. Но мы же должны выбраться? – Эльф улыбался, хотя видел, как пират близок к тому, чтобы врезать по его наглой морде.

Но Сварт отвернулся, быстро беря себя в руки.

Больше они не говорили, угрюмо собирая инжир. Молча, но достаточно согласованно, все-таки выбраться хотели оба. Плоды складывали в порванную черную толстовку Сумеречного Эльфа. Из нее вышел небольшой мешок. Сам Эльф стал похож на полуголого бледного дикаря в кожаных штанах с железками. Свой камзол он, очевидно, тоже потерял в неразберихе при крушении корабля.

Когда кусты были очищены от плодов, они выкорчевывали стволы и искали лианы, кое-где заплетавшиеся вокруг тонких смоковниц. Руки стирались до мяса, когда ломали пористую древесину, выдирали, отбирая у камней. Но это все было мелочами по сравнению с желанием выжить. И Сварт понимал это, принимал такую боль. В долгих плаваниях случалось всякое. Он выбирался, не отдавал себя на милость судьбы. Ему нравилось соревноваться со смертью. Но однажды он устал, в тридцать три года он просто устал. И захотел сбежать...

Теперь, в этой монотонной работе по связыванию стволов, что должны были стать спасением или гибелью, та изнуряющая усталость не ощущалась. Накатывала иная, чисто телесная и понятная.

– Ну, все, надо отдохнуть. Тебе. Мне тоже можно, – кивнул ближе к вечеру Сумеречный Эльф, распластавшись на камнях.

Сварт хотел бы придушить его, но понимал, что это бесполезно. Впрочем, призраки и галлюцинации не помогают строить плоты и не спасают сорвавшихся с уступа. Как и враги. Пока что бывший пленник мог принести пользу. Думать о природе «ангела-вредителя» больше не хотелось.

Настала ночь, настоящая ночь со звездами и месяцем. Плато накрывали порывы ветра, пронизывали, холодные, немые, а плот к тому времени был готов едва ли наполовину. Но человеческое тело требовало отдыха, Сварт прислонился спиной к стволу смоковницы, вросшей корнями в камни, не позволял себе заснуть. Он наблюдал за Сумеречным, который лежал, раскинувшись морской звездой, прямо на камнях и глядел в бездонное небо.

Сварт поежился: без камзола холод ощущался сильнее, пронизывая тело при каждом порыве ветра, хотя дни субтропического лета казались жаркими. Когда-то он очень ценил утерянный камзол, черный, с золотыми позументами. Когда-то он придумал свой пугающий образ, а потом возненавидел. И бросил все, а теперь этого прошлого не стало. Он лишился всего. Постепенно это чувство наваливалось парализующим безразличием.

Холод и подозрения относительно спутника мешали заснуть, но усталость оказалась сильнее. «Если бы он хотел меня убить сейчас, он бы просто отпустил руку тогда, над водоворотом. У него какой-то другой план... Я должен разгадать его, я должен», – размышлял капитан потонувшего корабля, незаметно засыпая

вопреки сковавшей его на многие дни бессонницы. Мрачный зов не донимал в эту ночь. Точно Сумеречный Эльф отогнал этот голос. Эльф? Бред...

На следующий день они снова валили хилые низкие деревья, напоминавшие кусты. Без оружия и иных инструментов, ведь ничего не осталось. Избитые руки заныли, когда вновь пришлось ими работать, когда сдиралась едва образовавшаяся пленка на стесанной коже, но боль пронзала лишь в первые мгновения, потом тело привыкло. Человек вообще ко многому может привыкнуть. Сварт понял это с детства, когда Круна обрушилась на него всей своей беспощадностью мрачных трусоб и прогнивших людишек. Тогда-то он и понял всю правду жизни. И боль от этой правды не сравнилась бы с какими-то царапинами на руках.

Когда плот был готов, день вновь накренился к закату. Сумеречный Эльф молчал все время работы. Общались в основном жестами и неплохо понимали, что делать. На хриплое рычание Сциллы, доносящееся из пещер, и монотонно оглушавший гул Харибды уже практически не обращали внимания.

Вкус вяжущего инжира, переслащенный, одновременно терпкий, вызывал отвращение, но голод и жажда приказывали радоваться этому фрукту, подношению судьбы.

– Значит так, – прокашлялся Эльф, как будто голос его заржавел за сутки молчания. – Спустимся по той гряде вместе с плотом. Там течения нет, но мы должны попасть в течение к северо-востоку отсюда. Через пару дней пути там должны быть острова. Бери весла.

– Не приказывай мне! – взвился Сварт таким же сиплым заостренным голосом.

– Ну, греби тогда руками, – махнул Сумеречный.

Сварт, конечно же, взял весла, сделанные из двух тонких стволов, но недовольно фыркнул. Оба впряглись в лианы, послужившие неплохими

веревками для скрепления плота. Нашлось несколько не до конца задеревеневших.

«Ненавижу доверять кому-то, я уверен, что он специально завел нас сюда, а говорит о какой-то силе невероятной», – злился на себя Сварт, но иного выхода просто не виделось. Так что они слаженно тащили плавучий агрегат к краю гряды, стараясь не сломать бревна о скалы.

Сумеречный поглядел на ясный горизонт, отирая пот со лба:

– Так, бури, надеюсь, не предвидится. Через рифы пройдем, плот очень маленький. Радуйся, у нас преимущество! Ни один корабль не смог выбраться отсюда из-за этих рифов. А мы выберемся, выберемся.

Сварт смотрел на Эльфа, как на полного идиота, хотя ему тоже хотелось верить, что они выберутся. Но признать помощь врага капитан просто не мог.

Наконец плот был спущен на воду, повезло, что гряда достаточно плавно уходила в море черными переплетениями камней, опускалась, словно гигантская половина раковины.

– Вроде не тонет, – покачался на плавучем средстве из стороны в сторону Сумеречный.

Сварт недоверчиво ступил на борт, проверяя лично.

– Да не переживай! – подбадривал или издевался Эльф: – Маиму-Длинноногий на каноэ однажды море пересекал! Ничего! Пираты и удача – одно слово!

– Не напоминай. О нем! – сухой грозой взвилась холодная злость Сварта, хотя все тело прошило волной ярости.

– Ах, да, я чуть не забыл, – засуетился Эльф, пока они отчаливали.

– Что ты забыл? – кисло протянул Сварт.

Вода казалась спокойной, ничто не показывало опасную близость громадного водоворота, а Эльф не прекращал болтать, осторожно ощупывая веслами дно, чтобы выйти на глубину и не напороться на рифы:

– Ну, как же! У каждого корабля должно быть имя! Я бы назвал нашу доблестную «шхуну» Сва-Су – Сварт-Сумеречный или Свальф – Сварт-Эльф. Или Эль-Сва... Хотя... Не... Не звучит что-то. Я уступлю! Сва-1, версия Су-1.1. Не, лучше всего звучит Свальф. Во! Боевой плот «Свальф» готов к отплытию, капитан!

– Заткнись и показывай курс, – мрачно отозвался Сварт, измученный, осунувшийся, с отросшей черной щетиной.

Он уже даже не поправлял сбитые набок очки и ненавидел все вокруг. Осталось только одно – желание жить, но реальность ощущалась слабо, слишком быстро сменялись события.

– Что ж... Удачи нам! – подставил лицо ветру Сумеречный.

Он осторожно лавировал между рифов, управляясь с обоими веслами, Сварт сгорбленно сидел посреди плота, принимая такую помощь как должное.

Вскоре удалось прорваться между узких камней, разбросанных под поверхностью воды, как будто спутник знал точный курс. Все он знал. Личная галлюцинация, ангел-вредитель. Наверняка мог перенести и к суше, треклятый фокусник.

Сварт продолжал сидеть без дела, но Эльф настойчиво протянул ему весло:

– Эй! Я один, что ли, грести буду?

– Я капитан! – раздраженно отозвался Сварт, кривясь в ехидной ухмылке, но точно смеялся уже над собой.

– Капитан плота с экипажем в два человека? – красноречиво покрутил пальцем у виска собеседник: – У тебя и корабля-то нет теперь!

– Вне зависимости от наличия корабля я был и буду капитаном, – сурово с чувством собственного достоинства отозвался пират.

– Ну, ты! – настойчиво ткнул свободным веслом Эльф: – Мы так с голоду подохнем быстрее. Вернее, это тебе грозит больше всего.

Сварт многозначительно вздохнул и принял весло. Соленый пот разъедал ладони, продолжал сдирать кожу трением о древесину. Впрочем, Сварт привык, вернее, вспомнил, как это было раньше. Когда-то, в юности, много раз была содрана кожа канатами. Теперь, в тридцать шесть лет, приходилось начинать все заново. Или сгинуть.

Остров смоковниц оставался позади, уносился, как страшный сон, поглощаемый туманом. Только ночные кошмары не переворачивают жизнь вверх дном. Хотя она опрокинулась раньше, намного раньше.

Потерпевшие крушение направлялись к попутному течению, как обещал Эльф. Сварт не доверял этому созданию. Но много ли выбора у человека без корабля в открытом море?

«Если это такая изощренная казнь, если он исчезнет посреди моря... Если это вообще все видится мне в бреду? Какая разница... Нет, я выберусь. Это не бред, бред не бывает таким преувеличенно настоящим», – лихорадочно соображал Сварт, непрерывно следя за ненадежным союзником.

Они уходили все дальше от кошмарной и спасительной гряды. Вот гряда вовсе скрылась из виду. Небо медленно меняло свои оттенки, крошечный плот нерешительно преодолевал кабельтов за кабельтовым морскую пустошь, все никак не находя заветного течения.

Сумеречный вскоре что-то запел, точнее, словно заскулил, то ли пребывая в прекрасном расположении духа, то ли заглушая свою печаль.

– Заткнись. Не вой! И так все паршиво, еще ты. Как собака. К смерти, – осадил его Сварт.

Эльф вздохнул и начал говорить:

– Вот изображал ты жертву кораблекрушения, чтобы втереться в доверие к богатой семье. Теперь на самом деле жертва кораблекрушения. Кажется, всякое лицедейство потом воплощается в реальность, опасное искусство. Кстати, могло быть и хуже.

– Куда уж хуже, – возразил недовольно Сварт, сдавливая весло, ожесточенно пронзая им гребни невысоких волн, вот только волны начинали увеличиваться, а весло все чаще задевало какие-то длинные водоросли. Странные водоросли.

– Ну, например, на скалах могли и не расти смоковницы. Тогда бы мы не выбрались. Или умерли ли бы от жажды.

Эльф хотел казаться беззаботным и воодушевленным, но внезапно лицо его исказилось, оцепенело. Весло безвольно застыло в руке, так что Сварт едва успел подхватить. Сумеречный тихо заскулил.

– Эй! Придурок! Что с тобой творится?! – обескураженно подскочил к неподвижному спутнику Сварт, подкрепив свое удивление парой ругательств.

От резких движений плот закачался, опасно накренившись. Сварт едва не упал в воду. А Эльф стоял, как будто по-прежнему держал весло, но неподвижно, запрокинув голову в небо.

Глаза его остекленели, крупный рот свело судорогой. Казалось, на него летят миры, Галактики, целая Вселенная рушится с безымянной вышины. Веки его дрожали, глаза закатывались, вскоре по щекам скатились две рубиново-алые слезы, кровавые. Сумеречный шептал, задыхаясь, говоря себе:

– Брат пошел на брата! Что за ужасные миры... В одном из миров снова может начаться война. Так страшно... Так ощущать каждого, ощущать всех, все судьбы, всю боль и не иметь права вмешиваться... Так тяжело.

– Падла! За борт сброшу на корм рыбам! Где твое течение? – впал в бешенство Сварт, замахнувшись веслом: – Предатель! Изверг!

Угрозы не действовали на Эльфа, он попятился, будто пытаясь отшатнуться от чего-то, но словно прирос к плоту. И продолжал видеть, смотреть свои

невыносимые картины безумца.

Сварт ударил его веслом, древесина треснула, разлетелась в щепки. Пират продолжал бить, посылая бессильные угрозы. Но Эльф оставался неподвижен. Все больше расширялись от ужаса его прозрачные глаза. Он пытался заслониться руками, но все, что он видел, содержалось только в его голове. Или действительно происходило одновременно в тысячах миров.

Но Сварт видел только сумасшедшего, от бессилия и отчаяния все избивая его веслом, пока плот несло в неизвестном направлении. Избивал до тех пор, пока весло не стало измочаленным фонтаном из светлых лоскутов древесины.

Сварт бессильно сел на плот, все еще сжимая бессмысленно остаток своего «грозного» оружия. Он охрип от проклятий, посланных врагу. Этому паршивому предателю, сумасшедшему.

Враги, везде враги. А друзей у него никогда не было. Сам ли не желал, или так сложилось? Веру в людей он потерял давным-давно, если вообще когда-то в них верил. Верил ли хоть во что-то? Зачем? Посреди океана в обществе сдвинутого вера не спасла бы.

Сварт какое-то время молчал, Эльф все не двигался. Потом неудачливый капитан отпустил искалеченное весло, вышвырнул его подальше в море. Он лег поперек плота, раскинув руки, и... оглушительно рассмеялся, захлебываясь этим безумным адским смехом, выгибая шею, мотая головой, старательно сбивая набок оправу ненавистных очков. Никто бы не узнал его в этот момент. Но никого и не осталось, никого. И ничего!

Двое сумасшедших посреди моря. Один из которых не знал направления, а другой не мог больше показать дорогу. И первый совершенно не верил в удачу, не верил, что пройдет какой-нибудь корабль.

Спасся от Сциллы, ушел от Харибды, поймали за руку на скалах, прошел рифы, выжил, все преодолел – и теперь был обречен на медленную страшную смерть под палящим солнцем.

– Какая ирония! Ирония! Да-к-ха-ха!

Сварт, давясь до икоты, долго смеялся. Страшно смеялся.

Тупик.

Тупику всегда смеются... Что еще остается?

Тем временем под плотом совершалось иное действие. То, что казалось гигантскими водорослями, все активнее двигалось. Мелькали смутные тени.

Глава 8.

Сварт был готов попрощаться с жизнью, отдать себя на волю судьбы, в которую не верил. Но когда на борт заползло сочащееся слизью щупальце, он мгновенно прекратил смеяться и, проворно вскочив, немедленно ударил этого неожиданного пришельца.

Пупырчатый отросток исчез, подняв снопы искрящихся брызг, но спустя миг над поверхностью показалось нечто омерзительное, всплывшее, как огромный батискаф. Гигантский осьминог оскалился на «экипаж» плота разверзнувшейся пастью-клювом.

Сварт невольно выругался и схватил оставшееся весло. Щупальца намеревались сломать несчастный плот, но рефлексy и силу у капитана никто не отнимал. И он словно забыл, что еще пару секунд назад собирался встретить свою судьбу. Не так-то легко прекратить борьбу, когда грозит смертельная опасность. Тело иногда само приказывает жить, сражаться. Гибель от жажды, гибель под солнцем через пару дней лучше, чем быть съеденным заживо.

Сварт взвился с нехитрым оружием и немедленно ударил сильными ногами, отбиваясь от щупалец, которые не успевали схватить его. Он метался по крошечному островку плота, точно комар в закрытой банке. Или даже быстрее.

Отразив удары всех шести щупалец, Сварт всадил весло прямо в жадную пасть, едва сам не пропав в ней. Осьминог отпрянул, утробно завыв, окатывая слизью.

Сварт дернул весло обратно, освобождая из клюва чудовища. Деревяшка не сломалась, а, значит, еще годилась, чтобы плыть дальше. Дальше... Он как будто забыл, что не существует этого «дальше». Хотя в пылу борьбы он не думал ни о чем. Только следил за нестройным движением щупалец.

Осьминог тухлой рыбой покачивался на поверхности воды, а потом сполз с края плота и исчез в глубине. Казалось, все кончено, но отточенные инстинкты и жизненный опыт подсказывали, что это только начало. Вскоре под плотом хаотично заметалось еще несколько теней. На подмогу поверженному чудовищу спешили его сородичи.

Размерам каждый из них превышал плот раза в два, к счастью, до Кракена, о котором ходили легенды, они совсем не дотягивали, но и «шхуна» не тянула на гордые бригантины и каравеллы, которые ломал в щепки мифический монстр.

– Проклятье! – воскликнул Сварт, когда щупальца полезли со всех сторон.

Сумеречный бездействовал, но его как будто не трогали, точно он вовсе не существовал. Призрак? Галлюцинация?

Удары посыпались червивой падалицей, черной. Печеными плодами на сгоревших деревьях. Такие висели после пожара в саду лорда Вессона. Черные, покрытые сажей. В какой цвет можно окрасить ненависть, боль и страх?

Липкие холодные щупальца тянулись к одинокому плоту. Раньше корабль пусть и был потрепан, но хотя бы шел. Впрочем, к бездне, что не лучше. Теперь оставался только крошечный плот. Едва вышел в море, а его уже пытались утопить, смять.

– Щупальца лжи легко опоясывают мир, как плот... Что ж делать, если истина одна? Что ж делать, если всюду, куда кидают взгляд – стена? – прошептал Сумеречный Эльф, не двигаясь с места. – А обернуться на световые коридоры окна нет сил. Дальше буквы не проходит речь, дальше струны не идет звук. Воспринимать мир черным, непроницаемо грязным – незавидный удел

обитателей глубин.

– Будь ты проклят! Будьте прокляты вы все! – надсадно хрипел Сварт, размахивая веслом и ударяя ногами с разворота по бесконечно лезущим из воды клювам.

Твари алчно шипели, обдавая запахом тухлой рыбы. Нападали то по очереди, то целой стаей, точно хищные птицы. Сварт сражался со всей своей силой, сожалея, что не осталось ни сабель, ни меча, канувшего вместе с каютой капитана. Ничего – только море, раскачивающийся из стороны в сторону, едва не встающий на дыбы плот и тренированное тело пирата, позволявшее опережать щупальца спрутов. И воля к жизни. Не мысль о ней, не размышления, ведь в пылу битвы нельзя ни о чем думать, кроме врага. Только воля победить и выбраться. Не важно, куда, не важно, что дальше. Возможно, иногда погибают от этого «что дальше», перестают бороться, теряют звериную жажду выкарабкаться. Не в этот раз!

Капитан осыпал осьминогов ударами ног, изворачивался змеей. Веслом протыкал склизкую массу, метя в мелкие глаза спрутов. Сталкивал щупальца, подныривая под ними, заставляя заплестись, запутаться при попытке схватить его, унести в темную пучину. Не сейчас! Не его!

Он балансировал на плоту, не позволяя опрокинуться этому единственному залогу спасения среди бескрайних просторов чуждой стихии. Чуждой, но такой манящей, захватывающей. Когда-то он очень любил море, когда-то очень давно. Потом утратил и эту страсть, не разбираясь, осталось ли хоть что-то, что он любит. Может, он уже давно все ненавидит – и себя, и жизнь. Но на плоту продолжал с остервенением сражаться.

Спруты все атаковали, давили друг друга. Насчитывалось уже около десяти существ, целая стая колышущимся гигантским студнем с длинными отростками.

Сварт все не сбавлял скорость, пытаясь достать хотя бы еще нескольких врагов острым концом весла. Мелькали разноцветными призраками головоногие чудовища. Меньше их не становилось, выныривали только новые, а мышцы и легкие человека от непрекращающейся борьбы уже горели огнем. Это значило, что поединок тянулся невероятно долго. Капитан мог сражаться без усталости не меньше часа, не сбавляя скорости, не теряя изящества отточенной техники боя.

Но обычно его верными помощниками были сабли, а не разваливающееся в руках весло.

Внезапно уже одно из щупалец подкосило ноги, отчего Сварт едва не упал в воду. Пронзила слишком яркая картина, как его тело поглощает этот неразборчивый мерзкий студень, растворяя понемногу кости, смешивая кровь с водой до полного исчезновения. И ощущение ужаса от этого зрелища заставило забыть о любой боли. Тяга к жизни подкинула, сберегла от опасного удара, приказала если и умереть, то только в борьбе.

А над головой вился, как лес из лиан, полог множества бескостных конечностей. Они оплетали несчастный плот и хотели раскрошить в пыль. Непрекращающееся противостояние Сварта их пока сдерживало, но спруты только прибывали.

– Твари! Да сколько же вас! – кричал капитан, нанося удары.

Его повалили навзничь. Выставленное вперед весло сдерживало атаки жадного клюва. Спрут тянулся и мечтал достать желанную добычу. Сварт сопротивлялся из последних сил, бесполезная деревяшка в его руке трещала и рисковала сломаться в любой момент. Не хватало сабель. Хотя и они бы не помогли отбить атаку такого количества морских чудовищ.

Очевидно, из этих морей никто не выбирался живым не только из-за Сциллы и Харибды. Об этих местах не слагали легенд, ведь в них не хранили сокровищ, не отправлялись туда люди в поисках славы. А если кого-то и заносило в эти края, то безрассудные смельчаки не возвращались.

Чудовища свили плотный полог, и при всем желании не удавалось даже встать над уровнем плота. Они хотели спрессовать, как горстку мусора.

– Что происходит? Ого! Ого-го! Обалдеть! – вдруг проснулся Сумеречный Эльф, которого все-таки придавило к бревнам.

Он встrepенулся, мгновенно сотворил какое-то мелкое заклинание, наподобие огненно-электрического шара, и кинул в гущу врагов. Все-таки не галлюцинация, а маг, как решил для себя Сварт. Впрочем, эффект не был особенно заметен. Спруты только возмущенно зашипели.

Сварт держал весло наперевес между собой и жадно раскрывшейся над ним пастью. И вот оно с оглушительным треском сломалось. Спрут щелкнул клювом, но получил лишь острые щепы. Удалось всадить обломки прямо в недра головы, едва не утонув во внутренностях спрута. Туша придавила Сварта, не давая вздохнуть.

Сумеречный Эльф навалился на нее и скинул за борт. Сварт резко дернулся, протер очки от слизи.

– До победы далеко, – прохрипел Сумеречный, посылая в воду новый огненный шарик.

Заклинание отпугнуло двинувшегося к плоту спрута, но с шипением погасло, соприкоснувшись с волнами.

– Да что ты говоришь! – саркастично прорычал Сварт, ударяя с края плота по высунувшейся голове осьминога. Из оружия оставались только собственные руки и ноги.

Враги без устали пребывали из подводного гнезда. Все становилось скользким от их клейкой слизи, их выпуклых присосок на щупальцах, часть из которых удалось оборвать, оттого море окрашивалось голубой кровью. Казалось, ничто не принесет спасения, но отчаянная борьба продолжалась.

В глазах у Сварта уже темнело... Неужели это конец? Так вот он какой, пропахший тухлой рыбой, удушливый, уродливый. Не похоже на избавление. Расплата? Возможно. Но пират не ощущал себя виноватым, чтобы признавать расплату. Так рано! Еще слишком рано для конца. Ничего не осознал, ничего не осмыслил, как будто в человека-то не превратился до конца. Конец... Какое бессмысленное слово.

Внезапно по волнам прокатилась тревожная вибрация. Она нарастала, и лес щупалец начал медленно редеть. Они тоже ощущали гнетущие волны неслышимого звука, от которого раскалывался череп. Но этот звук оказался случайным страшным спасением затерянного плота.

Мелкие сородичи Кракена в панике нырнули в глубину, заносились там тенями, стремясь прочь. Из-под воды доносился чей-то зов, рев глубин. Кого-то

потревожили. Кого-то неизвестного и огромного.

Море заволновалось без бури, валы нарастали стремительно. И вот над поверхностью показался хвост. Вернее, его кончик. Хвост не кита и не рыбы, а... дракона, грандиозный, с искрящейся перламутровой чешуей. Самый кончик этого хвоста создавал водопады, обтекавшие его с двух сторон, и высился над плотом огромной горой, заслонявшей солнце.

– Вау! Хвост! Вот это хвост! – показывал восхищенно пальцем на переливающуюся чешую Эльф. Казалось, он всегда мечтал увидеть это собственными глазами: – Да это же тот легендарный Морской Змей! Мидгардсорм! Он опоясывает весь мир! Король королей! Забытый хранитель Большого Дерева! Прямо, как я... Тринадцатый!

– Куда тебя до этого унесло, сволочь?! В какие эмпиреи? – вскочил Сварт, но тут же осел на бревна от резкого броска.

Плот накренился, и на его покрытой слизью поверхности оказалось не очень легко удержаться. Волна нарастала, окатывая пенными брызгами, вставая бирюзовыми стенами.

– Да я вроде тут был, – поскреб в затылке спутник, безмятежно садясь на скользкий и порядком поврежденный плот.

– «Вроде»! Вот именно, что «вроде»! – цепляясь за доски, проорал сквозь гул Сварт.

Но вскоре его гнев совершенно обесценился и забылся: колоссальная волна все возрастала. «Маленький» кончик хвоста заслонял полнеба, и море вскипало, точно наставали последние дни мира.

Накрывал девятый вал без бури, плот закружился жуком в луже и на какой-то момент явно оказался в воздухе, перевернувшись несколько раз. Задумываться, как остались живы, не приходилось. Сварт только намертво вцепился в бревна, часть из которых отлетела вместе с лианами.

Хвост медленно и спокойно вновь опускался в недостижимую глубину. Но от этого мирного исчезновения море бушевало хуже, чем при самой страшном шторме, содрогаясь до дна.

Плот взлетел над грядками волн. Пару раз Сварт ощутил, как кто-то, очевидно, Эльф, наваливается на его плечи, когда казалось, что пират рискует отлететь от кружащегося волчком плота. Все происходило настолько быстро, что осознание он вынужден был отложить до лучших времен.

Наконец, вновь засияло солнце, искрящееся бриллиантами брызг. Плот резко ударился о воду, подскочил еще раз, чудом не развалившись на щепки. Но смоковница оказалась крепка, сохранила, сберегла.

– О! Да мы в два раза быстрее попали в нужное течение! Да здравствует Тринадцатый хранитель! – бодренько заскандировал во всю глотку Сумеречный Эльф, тряся рукой над головой.

Плот и вправду начала набирать скорость, шел уверенно и спокойно, только вдоль борта заплясали блики. А Мидгардсорм пропал, точно не существовал вовсе. Море сияло ясной погодой, лазурной красотой неба, вилось соленым ветром. И ничто не напоминало о его опасностях. Но они подстерегали повсюду, хотя красота тоже никуда не пропадала.

– Только попробуй теперь завести меня в западню, – прошипел Сварт, неуверенно пытаясь вздохнуть.

Из-за полуотбитых легких получилась не угроза, а свистящий хрип. Откашливая соленую воду, Сварт страшно злился на Эльфа, завидовал его бессмертию. Правда, потом заметил, что обнаженное по пояс тело спутника тоже сплошь покрыто гематомами и ссадинами от безумного полета на волнах. Так бессмертный ли? Так неуязвимый ли? Но ведь не погибал от удара сабель. Сварт пока слишком отчетливо помнил выводящие из себя представления. С ним вели игру, и это больше всего злило пирата.

– Куда течение выведет! Туда и мы! Весел-то нет... Да еще пропал наш инжир с моей толстовкой, – поглядел на состояние плота Сумеречный. – Придется мне дикарем бегать. Эх, инжир жалко.

– Выживем и без него, – уверенно отозвался Сварт, бросая вызов любым испытаниям после встречи с самим Мидгардсормом.

Мастер Вейяча прислонился к белому стволу Дерева. В его голове слышались голоса, они нарастали, взвивались клекотом стервятников. Он бормотал, сам не понимая смысла:

– Мир видел сны, ему являлись кошмары. Мир листал свитки смутными мыслями, бесприютным у порога истины. Страницы вырывал, обтрясал яблони жизни.

Костлявые пальцы цеплялись за кору, голова раскалывалась. Великий хранитель сходил с ума, израненный, старый и уважаемый, но уже никому не понятный.

Он выронил тарелку с любимыми фруктами и схватился за виски?, тяжело дыша. Глиняное блюдо со звоном упало и разбилось, фрукты окропили сладким соком кору. Не отличить, где сок, где кровь. Где добро, где зло. Где славословье, где хула.

– Страшно перевернуть часы. Песок наверх пошел. И вот уж то, что зло, вдруг стало ясной правдой. Злодеи – просветителями, а злодеями – народ, – продолжал отчаянно бормотать великий хранитель.

Он видел множество бедствий, случившихся и грядущих. Во всех мирах. И чувствовал, что Сумеречного Эльфа поразила в этот миг та же боль. Асуры снова путали нити мира и жадно напивались страданиями.

Как они играли со свитками, как весело им было раскачивать весь мир! Миры. И древний дракон все видел, знал, понимал и ждал. Только не свитками вершилась жизнь, пока хранители судеб срастались с библиотекой.

– Мастер, позвольте обратиться.

Неслышными шагами откуда-то из-за спины подошел Закуда Мaudен. Мастер Вейяча пробормотал с трудом:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.me/tokareva_mariya/almaz-vremeni-tom-i-skitaniya

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)